

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12
2025 #18(86)

Научные высказывания

ИЗОБРЕТЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: ФЕЙЕРВЕРК

Научные высказывания

Сетевой научный журнал открытого доступа
2025 • № 18(86)

Издаётся с сентября 2021 г.

Выходит два раза в месяц.

ISSN:2782–3121

Научные статьи, поступающие в редакцию, перед опубликованием рецензируются редакционным советом. Материалы публикуются в авторской редакции.

Авторы несут ответственность за содержание статей, за достоверность приведенных в статье фактов, цитат, статистических и иных данных, имен, названий и прочих сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: Румянцева Екатерина Александровна, к.п.н., ведущий специалист Общероссийской общественной организации «Национальная система развития научной, творческой и инновационной деятельности молодежи России «Интеграция».

Абрамова Наталья Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры налогового права Финансового университета при Правительстве РФ

Абрашкин Михаил Сергеевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры Управления ГБОУ ВО МО «Технологический университет»

Айгумова Заграт Идрисовна, кандидат психологических наук, профессор кафедры психологии образования факультета педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета

Антипов Алексей Олегович, кандидат технических наук, доцент, заместитель декана по учебно-методической и научной работе Технологического факультета Государственного социально-гуманитарного университета

Безбородов Николай Максимович, кандидат исторических наук, Генерал-майор авиации, депутат Государственной Думы Первого (1993–1995 гг.), Второго (1996–1999 гг.), Третьего (2000–2003 г.) и Четвертого (2004–2007 г.) созывов

Блюмин Аркадий Михайлович, доктор технических наук, профессор кафедры прикладной информатики Российского государственного аграрного университета — МСХА им. К.А. Тимирязева

Борисова Мария Михайловна, научный сотрудник лаборатории нейротехнологий Научного Центра Биомедицинских Технологий Федерального медико-биологического агентства России (ФМБА России)

Васюков Петр Павлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры международной коммерции Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Ерофеева Мария Александровна, доктор педагогических наук, доцент, профессор Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, член-корреспондент Российской академии естествознания

Иванихин Павел Маркович, кандидат военных наук, доцент Общевойсковой академии Вооруженных Сил Российской Федерации, представитель Российского военно-исторического общества

Изергин Николай Данатович, доктор технических наук, профессор, преподаватель кафедры «Тактика специальной подготовки» Рязанского гвардейского высшего воздушно-десантного командного училища имени генерала армии В.Ф. Маргелова Министерства обороны Российской Федерации

Крупский Александр Юльевич, кандидат технических наук, Член-корреспондент Академии военных наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института управления, информации и моделирования Академии военных наук, научный редактор журнала Министерства обороны Российской Федерации «Военная мысль»

Лисуренко Лариса Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

Лобзов Константин Михайлович, доктор военных наук, доцент, профессор Московского пограничного института ФСБ России, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член-корр. Академии военных наук

Ляпин Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры психологии образования Государственного социально-гуманитарного университета

Николайкин Николай Иванович, доктор технических наук, профессор Московского государственного технического университета гражданской авиации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, академик МАНЭБ

Николайкина Наталья Евгеньевна, доктор технических наук, профессор, зав. кафедрой «ХимБиоТех» Московского политехнического университета, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, академик МАНЭБ

Огурцов Сергей Викторович, кандидат биологических наук, доцент кафедры зоологии позвоночных биологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Орлова Александра Андреевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии права и управления ФСИН Минюста России, подполковник внутренней службы

Побережная Ирина Адольфовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Университета Прокуратуры Российской Федерации

Полищук Николай Иванович, доктор юридических наук, профессор, Начальник кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии права и управления ФСИН Минюста России

Седишев Игорь Павлович, кандидат химических наук, доцент кафедры органической химии Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева

Сергеев Владимир Иванович, доктор юридических наук, профессор Московского гуманитарно-экономического института, член Центральной коллегии адвокатов г. Москвы, Академик Российской Академии Адвокатуры, Почетный адвокат РФ, член Союза журналистов России

Сергеева Евгения Аркадьевна, редактор издательской группы «Юрист»

Степанова Галина Павловна, кандидат медицинских наук, заведующая лабораторией функциональной диагностики Государственного научного центра «Институт медико-биологических проблем РАН»

Сыркин Леонид Давидович, доктор психологических наук, заведующий кафедрой психологии образования Государственного социально-гуманитарного университета

Хутин Анатолий Федорович, доктор исторических наук, профессор кафедры «Теория, история государства и права Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского», академик, член Президиума Академии Союза и Искусств Исполкома Союзного государства Белоруссия и Россия, Государственный советник Первого класса

Чирков Дмитрий Константинович, кандидат юридических наук, доцент, профессор Высшей школы бизнеса, менеджмента и права Российского государственного университета туризма и сервиса

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАГЛАВНАЯ СТАТЬЯ НОМЕРА

История изобретения фейерверка..... 6

АРХИТЕКТУРА, ДИЗАЙН И СТРОИТЕЛЬСТВО

Мануйлов Тигран Месропович
Тонкой Игорь Васильевич
Трансграничные города пространственный
драйвер динамики международной интеграции
и сотрудничества..... 8

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Пужихин Сергей Алексеевич
Рахматулина Эльвира Рафаэльевна
Взгляд на производную и дифференциал
с другого ракурса..... 12

ИСТОРИЯ

Лисовицкий Владислав Сергеевич
Кетова Лариса Петровна
Прирастаем к своей стране корнями 18

ПЕДАГОГИКА

Бруйкова Анна Сергеевна
Патриотизм через формулы и законы:
как история науки оживляет уроки физики
и математики 23

ПСИХОЛОГИЯ

Шиварева Мария Павловна
Выявление и оценка предикторов кибервиктимности
в интересах обеспечения психологической
безопасности в ранней юности 26

ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА

Токжаева Екатерина Андреевна
Топчиева Виктория Васильевна
Христоева Анастасия Игоревна
Предпереводческий и постпереводческий
анализы статьи «Understanding
Relationship Trauma» 34

Нефедова Софья Михайловна
Спортивные знаковые системы
(фехтование) 41

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Баландин Александр Алексеевич
Лыков Игорь Сергеевич
Правовые основы деятельности
Следственного комитета Российской Федерации
в условиях мобилизации 45

Попов Аркадий Дмитриевич
Лыков Игорь Сергеевич
Политико-правовой анализ миграционной ситуации
в Российской Федерации 50

Тарасов Максим Владимирович
Лыков Игорь Сергеевич
Проблемы исполнения судебных решений в
отношении воинских учреждений и
организаций 57

Черни Данил Владимирович
О необходимости введения института конкубината в
Российскую правовую систему 62

ЗАГЛАВНАЯ СТАТЬЯ НОМЕРА

История изобретения фейерверка

Огненные цветы в ночном небе — завораживающая и вдохновляющая картина! Известно, что фейерверки и салюты используют многие страны мира, отмечая те или иные праздники. И, конечно же, главный из них — Новый Год! Но кто и когда придумал фейерверки, как человечество прошло долгий путь развития и совершенствования: от небольших бамбуковых петард до огромных огненных шаров в небе, грандиозных шоу, разукрашивающих небо во все цвета радуги?!

Родоначальники культуры фейерверков

В последние годы между крупными городами мира развернулось настоящее негласное соревнование на самый эффектный, яркий и необычный новогодний салют. Чудеса изобретательской мысли, помноженные на сумасшедший эффект от горящих огней и взрывающихся шаров в небе, с восхищением рассматривают и оценивают миллиарды людей во всех уголках нашей Планеты.

Фейерверки впервые были придуманы и испробованы в Древнем Китае. Этот факт является непреложным и имеет множество подтверждений. Еще во II в до н.э. (202 — 206 гг.) китайцы династии Хань научились делать петарды, сделанные из высушенных бамбуковых стеблей. Они заметили интересное свойство: подожженный бамбук сначала начинал эффектно потрескивать, а затем происходил достаточно громкий взрыв.

Изначально, бамбуковые палочки использовали в религиозных целях: с их помощью люди прогоняли злых духов!

Без дыма нет огня

А точнее — без пороха. Ведь именно создание пороха позволило научиться делать, в том числе, петарды и всевозможные фейерверки. Считается, что порох был изобретен тоже в Китае в период правления династий Суи Танг (это период 581 — 907 г. н.э.). Возможности и преимущества взрывчатого вещества, сформированного из смеси селитры, серы и древесного огня, по достоинству оценили различные умельцы, изобретатели и рационализаторы. При создании первых полноценных петард бамбук более не использовался, его заменила плотная бумага, наполненная пороховой смесью и доукомплектованная специальными тканевыми фитилями.

Появление фейерверков в Европе

Долгие годы и даже целые столетия государства, сейчас входящие в состав Старого Света (самые передовые и просвещенные — как они думали...) даже не подозревали, что в Китае вовсю пользуются петардами и фейерверками не только для борьбы о злыми духами или врагами, но и в качестве яркого, эффектного украшения праздника.

Только в XIII столетии в Европе появились первые петарды (кстати, привезенные вместе с образцами пороха). Принято считать, что поставщиком такого важного товара являлся итальянский путешественник и исследователь Марко Поло. И именно итальянцы первыми в Европе научились использовать черный порошок для изготовления фейерверков.

Далее эта отрасль стала активно развиваться. Людям очень понравились красивые огненные петарды и фейерверки. Стали появляться самые разные виды взрывающихся огней. Итальянцы, опять-таки, первыми додумались добавлять в порох всевозможные примеси, металлическую пыль и т.п., разукрасив фейерверки в разные цвета радуги. Примерно к XV веку в странах современной Европы сформировались свои традиции фейерверков. Стали даже проводиться негласные соревнования: у кого ярче и лучше получится огненное шоу. Данная практика не только сохранилась до наших времен, но и получила всемирное признание и распространение.

А что же Россия?!

В России первые специалисты-пиротехники официально вступили в свои должности в 1545 году. Группа умельцев, в чьей зоне ответственности было все, что касалось фейерверков, была зачислена в состав Стрелецкого полка. Очевидно, что первые применения взрывающегося пороха касались именно военного дела. О развлечениях и световых шоу в тот момент никто не задумывался.

Первый полноценный и достаточно масштабный фейерверк был организован и успешно проведен почти на 130 лет позднее: в 1674 году в городе Устюг. К какому именно событию приурочили это празднество — неизвестно (по одной из версий — так развлекался богатейший голландский купец), но начало было положено!

В деле развития фейерверков на Руси не обошлось без царя-реформатора. Постепенно свето-взрывные шоу становятся обязательной частью различных увеселительных мероприятий, проводимых в ознаменование каких-либо событий или в честь подвигов выдающихся людей. Так, на торжествах в честь 18-летия Петра I (26.02.1690г) был произведен не просто красочный салют, а разыграно целое световое представление. Специально обученные люди произвели в определенной последовательности 3 серии по 56 залпов каждая, в результате чего на небе появилось изображение Геркулеса, раздиравшего пасть льва.

Всевозможные торжества во время царствования Анны Иоанновны («Царица престрашного зрака»), Елизаветы Петровны, Петра III также сопровождались эффектными фейерверками, в ходе которых осуществлялась постановка аллегорических композиций. После Октябрьской революции наступила продолжительная пауза, молодая Советская власть не поощряла праздное расходование народных денег. Возобновились световые шоу в виде победных салютов в годы Великой Отечественной войны.

Вместо заключения

Людям во всех странах мира очень нравятся огненные шоу. Тем более, что современные технологии могут творить настоящие чудеса, радовать и вдохновлять своих граждан. В мире существует негласное соревнование: кто сделает самый красивый, громкий, яркий, продолжительный новогодний фейерверк. В числе лидеров такие страны, как Кувейт, ОАЭ, Саудовская Аравия, США, Китай, конечно же. Нашей страны пока нет среди лучших, но кто знает, возможно наступит тот день, когда Россия удивит весь мир таким фейерверком, который останется в памяти людей на долгие годы!

Главный редактор
Екатерина Румянцева

АРХИТЕКТУРА, ДИЗАЙН И СТРОИТЕЛЬСТВО

Трансграничные города пространственный драйвер динамики международной интеграции и сотрудничества

Мануйлов Тигран Месропович

бакалавр кафедры «Градостроительство» Национального исследовательского
Московского государственного строительного университета (НИУ МГСУ), г. Москва,
студент 2 курса магистратуры кафедры «Градостроительство» Московского архитектурного института
(Государственной академии) (МАРХИ), г. Москва, e-mail: tm.tiikeri@gmail.com

Тонкой Игорь Васильевич

Научный руководитель
Кандидат архитектуры, профессор кафедры «Градостроительство» МАРХИ
(государственная академия), e-mail: ivton@mail.ru

Аннотация: статья посвящена исследованию парных городов — уникальных городских систем, формирующихся на стыке государственных границ и выступающих пространственным драйвером международной интеграции. В работе представлена градостроительная модель кластера, основанная на четырёх компонентах: функционально-планировочном симбиозе, социокультурном каркасе, трансграничном инфраструктурном хабе и институционально-планировочном механизме.

Ключевые слова: парные города, градостроительное планирование, пространственная интеграция, приграничные территории, функционально-планировочный симбиоз, инфраструктурная интеграция, международное сотрудничество, устойчивое развитие территорий, модели городской среды, трансграничные агломерации, зоны совместного развития.

В современную эпоху глобализации и geopolитической турбулентности традиционное понимание государственных границ как непреодолимых барьеров постепенно уступает место более сложной и интегрированной реальности. В приграничных зонах на основе различной национальной традиции зарождаются наиболее инновационные формы международного сотрудничества, возникают уникальные социально-экономические об-

разования — трансграничные урбокластеры. Эти динамичные системы превращаются из символов разделения в мощные связующие мости, способствующие не только экономическому процветанию, но и глубокому культурному сближению народов.

В первой четверти XXI века на приграничных территориях активизируются пары городов, исторически связанные комплексом социально-экономических отношений. Информационные тех-

нологии, наука и коопeração в сфере производства выступают катализаторами пространственной интеграции. Однако консервативные регламенты территориального планирования, несовпадение градостроительных стандартов и устаревшие функциональные зонирования создают «планировочный барьер», сдерживающий этот процесс. Это формирует необходимость в исследовании данных процессов для разработки интегральных моделей городской среды, учитывающих динамику развития парных городов и обеспечивающих рациональное использование территории и ресурсов.

Градостроительная модель и пространственная организация трансграничного города

Модель кластера базируется на четырех взаимосвязанных компонентах, формирующих его планировочный каркас и экосистему:

Функционально-планировочный симбиоз: взаимодополняемость территориального развития, при которой одна сторона специализируется на научных функциях, а другая — на промышленно-логистических (производственные парки, хабы). Градостроительное обеспечение этого симбиоза требует создания единой схемы территориального планирования, согласования зонирования и выделения зон совместного развития.

Социокультурный каркас общественного пространства: формирование единой сети общественных центров и объектов городской среды через создание совместных кампусов, культурно-досуговых кластеров и организацию трансграничных событийных пространств. Этот каркас, включая пешеходные связи и набережные, способствует преодолению психологического барьера границы и формированию атмосферы взаимопонимания.

Трансграничный инфраструктурный хаб: развитие единой транспортно-коммуникационной сети, включающей трансграничные транспортные коридоры, объединенные мультимодальные логистические терминалы, «умные» пункты пропуска с совмещенным контролем, интегрированные энергосистемы и телекоммуникационные магистрали. Ключевой принцип — обеспечение «бесшвной» мобильности товаров, услуг и людей.

Институционально-планировочный механизм: создание постоянных совместных планировочных органов (советов по развитию агломерации,

рабочих групп по гармонизации градостроительных регламентов), обеспечивающих стратегическое территориальное планирование, разработку общих градостроительных кодексов и разрешение конфликтов землепользования.

Актуальность градостроительных исследований трансграничных урбокластеров

Исследование приобретает стратегическую важность для градостроительной науки и практики по следующим причинам:

Геополитический императив: в условиях трансформации мирового порядка такие кластеры требуют новых подходов к планированию «зон контакта». Особую актуальность это имеет для российско-китайского приграничья, где необходим прорыв в совместном проектировании приграничных агломераций (например, Благовещенск — Хэйхэ).

Управление пространственным развитием и миграцией: кластеры требуют инновационных моделей размещения жилья, социальной инфраструктуры и рабочих мест, трансформируя трудовые потоки в управляемый ресурс пространственного развития.

Экология и устойчивое развитие: совместное планирование «зеленого каркаса», водоохранных зон, систем обращения с отходами и мониторинга экосистем становится критически важным для обеспечения устойчивости приграничных территорий.

Повышение качества городской среды: интеграция стандартов качества общественных пространств, развитие совместных объектов социальной инфраструктуры (клиник, школ) напрямую способствуют улучшению комфорта жителей.

Градостроительная значимость темы в современном мире

Трансграничные города — представляют собой передовую лабораторию новых урбанистических форматов. Их развитие с градостроительной точки зрения способствует:

Повышению устойчивости территорий: густая сеть функциональных и инфраструктурных связей создает более устойчивую к кризисам пространственную структуру.

Ускорению инноваций в планировке: кластеры становятся полигонами для апробации «умных»

городских технологий, сквозного проектирования и новых строительных стандартов.

Глобальной конкурентоспособности: интегрированные агломерации с современной, согласованной планировкой создают более привлекательный инвестиционный образ и эффективнее конкурируют за ресурсы и кадры.

Примеры парных городов приграничных территорий, которые при модернизации могут сложиться в урбокластер международной интеграции при определенных условиях пространственной организации, связности и доступности на основе сложившегося историко-культурной и национальной традиции трансграничных урбокластеров в мире.

Исследованы и рассмотрены наиболее значимые локации парных городов.

Европейский Союз:

1. Копенгаген (Дания) — Мальмё (Швеция)

Особенности: Классический пример глубокой интеграции, ставший возможным благодаря членству обеих стран в Европейском союзе. Эресуннский регион демонстрирует высочайший уровень экономической, социальной и институциональной интеграции.

Связь: Символом и материальной основой кластера стал Эресуннский мост-тоннель, соединивший два государства. Действует общий рынок труда, где жители легко работают и получают социальные по другую сторону пролива. Создан единый Эресуннский комитет для координации развития, гармонизированы стандарты образования и профессиональной квалификации.

2. Страсбург (Франция) — Кель (Германия)

Особенности: «Столица Европы», где расположены ключевые институты ЕС, включая Европейский парламент. Этот кластер символизирует примирение двух бывших противников и их тесную интеграцию.

Связь: Города связаны общим трамвайным сообщением и мостом Европы. Активно развиваются совместные бизнес-инкубаторы и франко-германские университетские программы. Созданы эффективные механизмы межмуниципального сотрудничества, позволяющие согласованно решать вопросы городского планирования и развития инфраструктуры.

Северная Америка:

3. Сан-Диего (США) — Тихуана (Мексика)

Особенности: Модель асимметричной, но взаимовыгодной интеграции, функционирующая в условиях значительного экономического и социального неравенства между соседними странами.

Связь: несмотря на сложную политическую риторику на федеральном уровне, города де-факто представляют единый производственный и экономический хаб. Американские технологии и капитал сочетаются с мексиканской рабочей силой и производственными мощностями. Существует интенсивная маятниковая миграция и тесные культурные связи, формирующие уникальную приграничную идентичность.

Азия:

4. Гонконг (КНР) — Шэньчжэнь (КНР)

Особенности: Уникальный случай «одна страна — две системы», демонстрирующий интеграцию территорий с различными политико-экономическими системами в рамках единого государства.

Связь: Гонконг выступает как глобальный финансовый и логистический центр с развитыми институтами common law, а Шэньчжэнь — как «кремневая долина» Китая, центр технологических инноваций и передового производства. Их связывает одна из самых загруженных в мире границ, высокоскоростные поезда и общие инвестиционные потоки. Происходит активный обмен компетенциями и технологиями.

5. Океания: Сингапур — Джохор-Бару (Малайзия)

Особенности: Яркий пример модели «центр — периферия», где мегаполис с развитой экономикой интегрируется с менее развитым приграничным регионом соседней страны.

Связь: Десятки тысяч малайзийцев ежедневно ездят на работу в Сингапур, формируя один из крупнейших в мире потоков маятниковых мигрантов. Сингапур активно инвестирует в создание специальных экономических зон и развитие инфраструктуры в Джохор-Бару, что способствует формированию единой производственной и жилой зоны.

Африка:

6. Ливингстон (Замбия) — Виктория-Фолс (Зимбабве)

Особенности: Кластер, сформированный вокруг общего природного ресурса и объекта все-

мирного наследия ЮНЕСКО, демонстрирующий потенциал сотрудничества в условиях экономических трудностей.

Связь: знаменитый водопад Виктория является общим достоянием и центральным элементом экономического развития обоих городов. Несмотря на экономические и политические вызовы в регионе, города совместно развиваются туристическую инфраструктуру, гармонизируют визовые режимы и продвигают общий туристический бренд, наглядно показывая, как общее природное чудо может объединять народы.

Ключевые признаки пространственной и функциональной организации

От традиционных форм приграничного взаимодействия урбокластер отличает комплекс фундаментальных признаков:

1. Экономическая синергия и взаимозависимость: Формирование единых рынков труда, капитала и товаров, создание трансграничных производственных и логистических цепочек, совместное использование сравнительных преимуществ каждой территории.
2. Социокультурная конвергенция: Активный и многогранный культурный обмен, формирование общей или комплементарной идентичности, развитие практик «трансгранично-

го гражданства», совместные образовательные и научные проекты.

3. Инфраструктурная интеграция: Наличие развитых транспортных коридоров, совмещенных инженерных систем и цифровых сетей, превращающих границу из барьера в ось развития и точку роста.
4. Институциональное взаимодействие: Создание эффективных механизмов совместного управления, гармонизация законодательства, согласованное пространственное планирование и разработка общих стратегий развития.
5. Экологическая кооперация: Совместное управление природными ресурсами, формирование единых систем экологического мониторинга, создание трансграничных особо охраняемых природных территорий.

Заключение

Трансграничные города — это практический пример того, как совместное градостроительное планирование превращает границу из препятствия в точку роста. Благодаря общим планам развития, согласованной инфраструктуре и единым общественным пространствам, города по разные стороны границы создают устойчивую и комфортную среду для жизни и бизнеса. Такой подход доказывает, что разные страны могут успешно сотрудничать через совместное проектирование территории.

Литература

1. Тонкой Игорь Васильевич Конференция «2023. Наука, образование и экспериментальное проектирование. Труды МАРХИ». г. 2023
2. Тонкой Игорь Васильевич Статья/тезисы конференции «Формирование пространства на территории опережающего развития в контексте градостроительной стратегии г. Владивосток».
3. Тонкой Игорь Васильевич Статья/тезисы конференции «Реализация мегапроектов — мотивация комплексного развития прилегающих территорий.».
4. Тонкой Игорь Васильевич Конференция «2024. Наука, образование и экспериментальное проектирование. Тезисы МАРХИ». г. 2024

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Взгляд на производную и дифференциал с другого ракурса

Пужихин Сергей Алексеевич

МБОУ СОШ города Кузнецк-8, Пензенская область, Россия

Обучающийся

E-mail: puzhikhin2@mail.ru

Рахматулина Эльвира Рафаэльевна

МБОУ СОШ города Кузнецк-8, Пензенская область, Россия

Учитель английского языка

E-mail: mishkina.elvira@mail.ru

Аннотация: в работе представлена комплексная модель города будущего «Нейрополис», синтезирующая принципы «умного города» и экологической устойчивости. Исследование отвечает на актуальный вызов современной урбанизации, связанный с необходимостью создания городских пространств, которые одновременно являются технологически продвинутыми, экологически чистыми и социально комфортными. Авторами разработана оригинальная архитектурно-планировочная концепция с функциональным зонированием, создан рабочий прототип центральной операционной системы города («Нейрополис ОС») и проведена экономическая оценка проекта. Уникальность исследования подтверждена его высокой экспертной оценкой на всероссийском и международном уровне: проект стал Лауреатом I степени очного этапа всероссийского конкурса в Москве, победителем международных конкурсов «Научные аспекты — 2025», «Форум научных открытий», «Научный подход-2025», а также занял первые места на Сурском молодежном инновационном форуме и всероссийском конкурсе «Старт в науку».

Результаты работы демонстрируют возможность перехода от теоретических моделей к конкретным, технологически реализуемым решениям для городского развития и получили поддержку образовательной онлайн-платформы «Умскул» и Управления образования г. Кузнецк.

Ключевые слова: умный город, экогород, устойчивое развитие, интернет вещей (IoT), искусственный интеллект (ИИ), операционная система города, городское планирование, нейрополис, цифровой двойник.

Современные мегаполисы столкнулись с системным кризисом, проявляющимся в загрязнении окружающей среды, перегруженности транспортных систем, нерациональном потреблении энергии и ресурсов, а также в снижении качества об-

щественных пространств [2, с. 15]. Традиционные подходы к градостроительству оказываются недостаточными для решения этих накопившихся проблем. В ответ на глобальные вызовы в мировом опыте сформировались две ключевые парадигмы

развития: концепция «умного города» (smart city), делающая акцент на использовании цифровых технологий и больших данных для оптимизации городского управления [3, с. 45], и концепция «зеленого города» (green city), ориентированная на экологическую устойчивость, сохранение природных ресурсов и интеграцию биоценозов в урбанистическую среду [4, с. 78]. Однако на практике эти подходы часто реализуются разрозненно, что ограничивает достижение синергетического эффекта и создание по-настоящему гармоничной городской среды. Возникает закономерный вопрос: каким должен быть город, где передовые технологии служат не росту потребления, а повышению качества жизни людей в гармонии с природой?

Настоящее исследование направлено на поиск ответа на этот вопрос через разработку целостной модели города будущего — «Нейрополис». Основ-

ной целью работы было не только создание теоретической концепции, но и демонстрация ее реализуемости путем разработки цифрового прототипа ключевой системы управления, проведения экономических расчетов и оценки общественного восприятия. Работа носит междисциплинарный характер, объединяя подходы урбанистики, экологии, информационных технологий и экономики. (рис. 1)

В основу исследования лег комплекс методов, сочетающий теоретический анализ, проектирование, моделирование и социологические инструменты [5]. На первом этапе был проведен сравнительный анализ существующих проектов умных и зеленых городов в мире (Сонгдо в Южной Корее, Масдар в ОАЭ) и в России (Инновационный центр «Сколково», умный квартал в Иннополисе) [6]. Это позволило выявить лучшие практики и существующие пробелы.

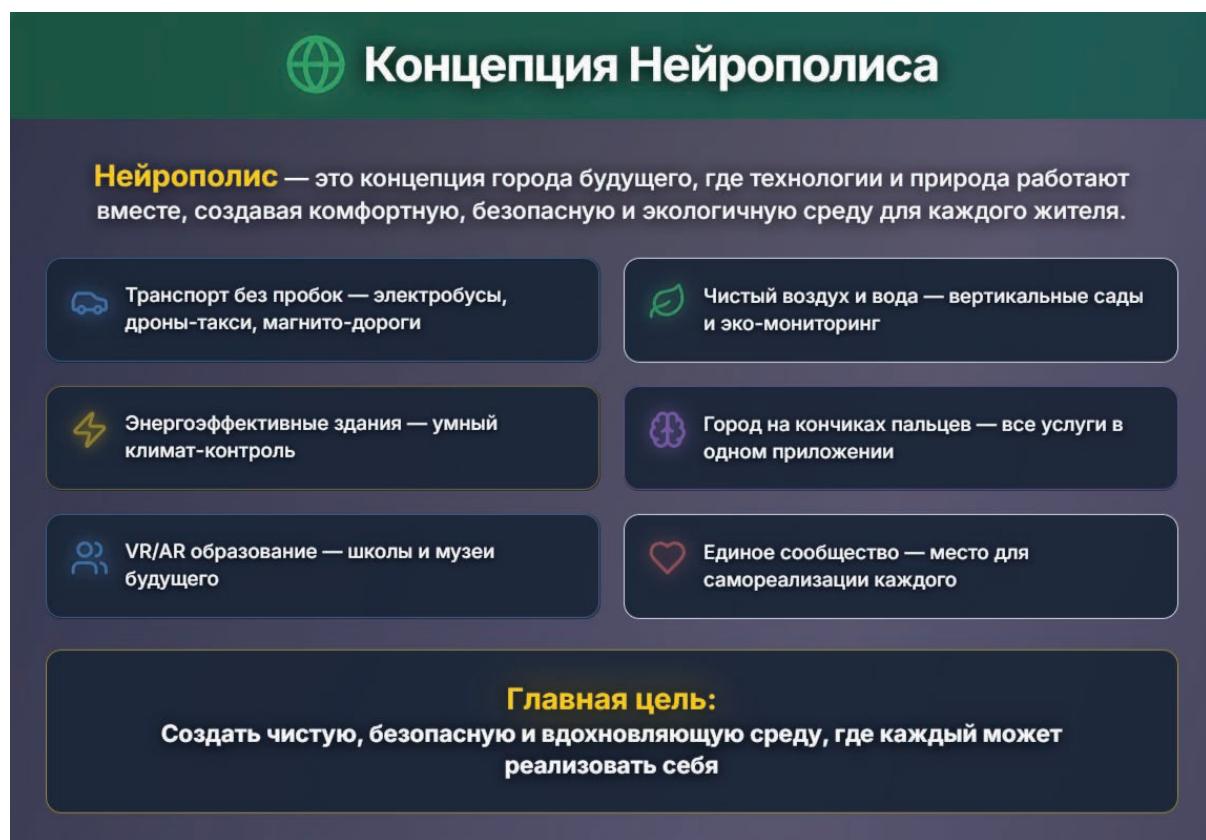

Рис. 1. Скриншот с сайта Нейрополиса

Следующим шагом стало непосредственное проектирование. Была разработана архитектурно-планировочная концепция «Нейрополиса» с детальной проработкой шести функциональных районов: жилого Экорайона, делового Технополиса, рекреационного парка Вертигрин, обра-

зовательного кластера Инноватека, экологичного промышленного района Экоград и спортивно-развлекательного Футуропарка. Каждый район получил уникальные архитектурные и технологические решения, подчиненные общей идеи синтеза технологий и природы.(рис. 2)

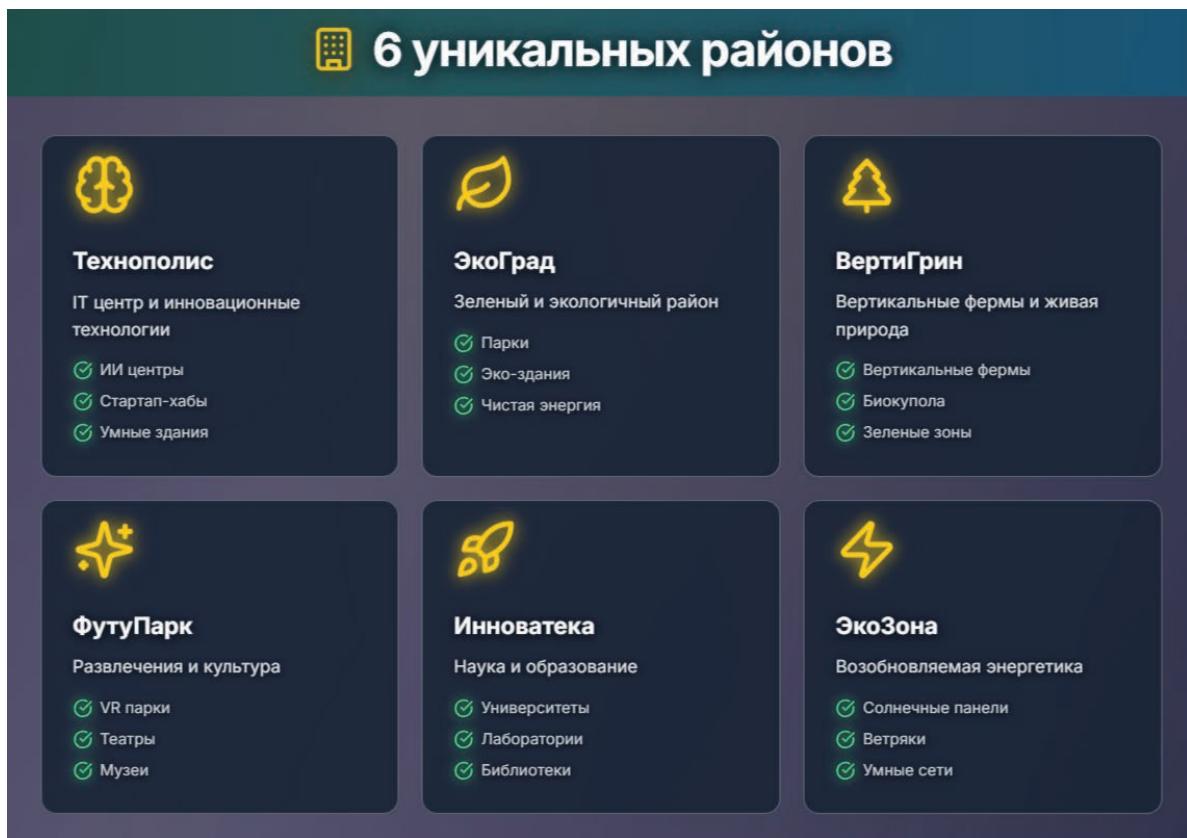

Рис. 2. 6 уникальных районов Нейрополиса

Параллельно велась работа над цифровым ядром города — операционной системой «Нейрополис ОС». Нами был спроектирован и создан работающий веб-прототип этой платформы, имитирующий в упрощенном виде работу модулей экомониторинга, интеллектуальной транспортной системы, управления энергопотоками и социального взаимодействия [7]. Этот прототип стал наглядным доказательством технической осуществимости концепции централизованного управления городом через единый цифровой интерфейс.

Для перевода идеи в практическую плоскость была построена финансовая модель, показавшая, что при поэтапной реализации проекта на 2.500.000 жителей может выйти на окупаемость в течение 8-12 лет [6]. Высокая практическая значимость и проработанность проекта обусловили его успешную защиту и победы на целом ряде престижных конкурсов, а также привлекли внимание партнеров. Проект получил официальную поддержку Управления образования города Кузнецк и образовательной онлайн-платформы «Умскул», что указывает на его потенциал для интеграции в образовательные программы и дальнейшего развития.

Концепция «Нейрополиса» построена на принципе полицентричности и пешеходной доступности [7]. Город спроектирован так, чтобы основные услуги находились в шаговой доступности от жилья. Транспортная система является многоуровневой и безуглеродной: приоритет отдается пешеходным и велосипедным маршрутам, второй уровень формируют автоматические электробусы и персональный электротранспорт, а для логистики и экстренных случаев предусмотрена сеть дронов-такси.

Каждый из шести районов выполняет строго определенную функцию. Экорайон — это пространство для жизни в умных домах с зелеными крышами. Технополис — драйвер экономики, архитектурной доминантой которого является здание «Гигантская нейросеть», символизирующее цифровой мозг города. Вертигрин — «зеленые легкие» и главное общественное пространство. Инноватека фокусируется на образовании, ЭкоГрад демонстрирует экологичную промышленность с замкнутым циклом, а Футуропарк предоставляет возможности для спорта и творчества. (рис. 3)

Рис. 3. Музей будущего в Нейрополисе

Технологической основой города является операционная система «Нейрополис ОС» [5] (рис.4;5). Это реально созданный прототип цифровой платформы, построенный по принципу цифрового двойника. Система в реальном времени собирает данные с тысяч датчиков интернета вещей (IoT) и обрабатывает их алгоритмами искусственного интеллекта для

оптимизации городских процессов. Например, модуль экомониторинга, обнаружив рост концентрации CO₂, может автоматически усилить полив зеленых насаждений и скорректировать транспортные потоки. Энергоменеджер динамически распределяет электроэнергию от возобновляемых источников, отдавая приоритет социально значимым объектам [8].

Рис. 4. Скриншот с платформы «Нейрополис ОС»

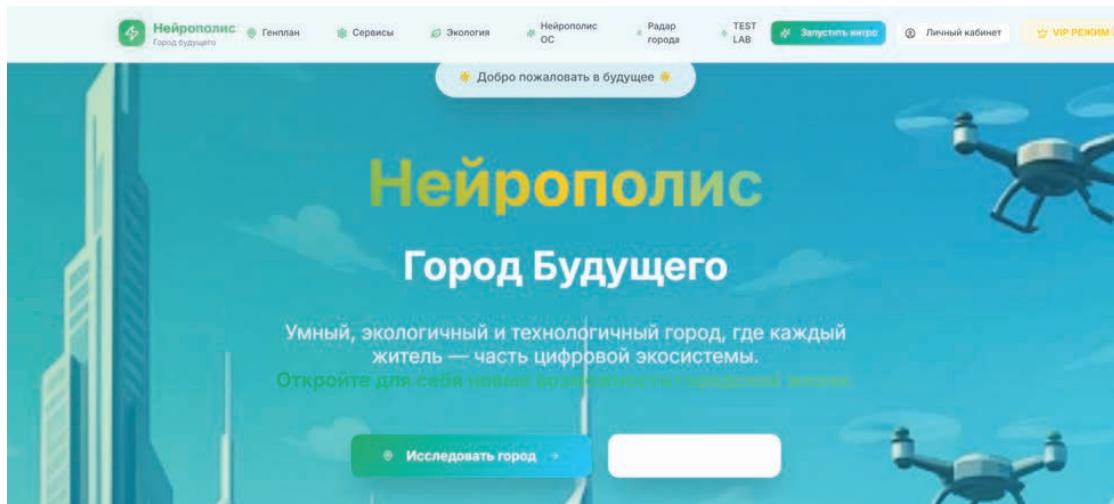

Рис. 5. Главная страница сайта Нейрополис

Отдельный модуль — Социальный хаб — предназначен для вовлечения жителей в управление городом через предложение инициатив и голосование. Таким образом, «Нейрополис ОС» становится инструментом как эффективного управления, так и развития местного сообщества.

Экспертная оценка, признание и экономическое обоснование

Высокая степень проработки концепции «Нейрополис» и ее инновационный потенциал были неоднократно отмечены на самом высоком уровне. Проект является:

- Лауреатом I степени очного этапа всероссийского конкурса научно-исследовательских работ в Москве.
- Победителем (1 место) Международного конкурса научно-исследовательских работ «Научные аспекты — 2025».
- Победителем (1 место) II Международного конкурса научных работ «Форум научных открытий».
- Обладателем диплома 1 степени Всероссийского конкурса «Старт в науку» в рамках федерального проекта «Успех каждого ребенка».
- Победителем (1 место) Сурского молодежного инновационного форума «Наука 0+» (2025).
- Победителем международного конкурса «Научный подход-2025» и других.

Эта серия побед на конкурсах различного масштаба — от муниципального до международного — служит объективным доказательством научной ценности, актуальности и высокой степени

готовности представленных разработок. Проект также получил поддержку Управления образования г. Кузнецк и образовательной платформы «Ум-скул», что открывает возможности для его популяризации и практического внедрения отдельных элементов в образовательный процесс.

Рис. 4. QR-код для перехода на сайт «Нейрополис»

Проведенное исследование позволило создать и всесторонне обосновать целостную модель города будущего «Нейрополис». Главным результатом стало создание не только теоретической концепции, но и действующего цифрового прототипа его операционной системы. Многочисленные победы

на российских и международных конкурсах, а также поддержка со стороны образовательных организаций являются убедительным подтверждением значимости и потенциала проекта.

Перспективы развития видятся в дальнейшей детализации технических решений, установлении партнерств с вузами и ИТ-компаниями, а также в поиске возможностей для пилотной реализа-

ции отдельных элементов концепции (например, системы мониторинга среды или цифровой платформы для участия жителей) на территории г. Кузнецк-8. «Нейрополис» представляет собой готовую дорожную карту для перехода к строительству городов, в которых технологический прогресс служит повышению качества жизни в гармонии с природой.

Литература

1. Сидоров А.И. Устойчивое развитие городских территорий. СПб.: Питер, 2019. 278 с.
2. Батыршин И.А., Смирнов К.В. Умный город: цифровая трансформация городской среды. М.: Инфра-Инженерия, 2021. 234 с.
3. Зеленый стандарт: экологические принципы строительства / под ред. В.С. Петрова. СПб.: Пропсект Науки, 2020. 189 с.
4. Отчет о развитии «умных городов» в мире // Smart Cities World. 2024. URL: <https://www.smartcitiesworld.net/reports>
5. Архитектура и описание «Нейрополис ОС» // Внутренняя документация проекта. 2025.
6. Экономическая модель проекта «Нейрополис» // Исследовательская работа «Добро пожаловать в завтра». 2025.
7. Рекомендации по созданию комфортной городской среды // Минстрой России. 2023. URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru>
8. Шестаков В.П. Интеллектуальные системы в управлении городом. М.: Наука, 2020. 415 с.
9. Официальный сайт проекта «Нейрополис — город будущего» [Электронный ресурс]. URL: <https://neopolis-hub.lovable.app/> (дата обращения: 15.08.2025).

ИСТОРИЯ

Прирастаем к своей стране корнями

Лисовицкий Владислав Сергеевич

ФГБОУ ВО Донской государственный аграрный университет,
п. Персиановский Октябрьского района Ростовской обл., Россия

Студент

E-mail: lisovvlod.2007@gmail.com

Кетова Лариса Петровна

Научный руководитель

кандидат исторических наук, доцент,

ФГБОУ ВО Донской государственный аграрный университет,
п. Персиановский Октябрьского района Ростовской обл., Россия

E-mail: ketova1710@yandex.ru

Аннотация: статья написана по итогам проведенного исследования в сфере родословия на тему «Генеалогическое древо семьи Лисовицких», представленного на очной LVI Всероссийской конференции обучающихся «Наука, Творчество, Духовность» в ноябре 2025 г. и удостоенного Дипломом I степени и Медалью «За лучшую научную студенческую работу». Научная новизна исследования состоит во введении в научно-исследовательское поле большого объема материала о личностях семье Лисовицких (Лисевицких), а также в обобщении и систематизации собранного материала при распределении его по поколениям и построении генеалогического древа семьи Лисовицких (Лисевицких).

Ключевые слова: укрепление общероссийской гражданской идентичности; духовные ценности; традиционные ценности, передаваемые от поколения к поколению; родословие; генеалогия; генеалогическое древо семьи; семья; фамилия; семья Лисовицких (Лисевицких).

Система ценностей человека является фундаментом его отношения к миру, политике, государству, родным и близким. Одной из важнейших ценностей является любовь к родине и своему народу, чувство общероссийской гражданской идентичности, т.е. ощущение себя частью своего народа и своей страны. Для того, чтобы формирование гражданской идентичности было более отчетливым, осознанным, оно должно строиться на знании конкретных фактов истории своей семьи и её генеалогии, т.е. прирастать к своей стране надо

своими корнями, через знание истории (судьбы) своей семьи.

Наше государство поддерживает и направляет подобные устремления. Так, в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации ставится цель укрепления общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации) [1]. В «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» пер-

вой целью установлено «сохранение и укрепление традиционных ценностей, обеспечение их передачи от поколения к поколению» [2]. Для каждого молодого человека слова о поколениях его семьи не должны быть абстрактными, наоборот, они должны быть наполнены личностным содержанием. Было бы весьма неплохо, если бы каждый человек знал свою родословную, если бы его представления об истории страны опирались на конкретные исторические факты развития его семьи.

Актуальность данной работы можно определить в следующих аспектах:

- 1) исследование генеалогического древа конкретной семьи вносит значительный вклад в формирование гражданской идентичности как члена данной семьи, так и любого, ознакомившегося с данным трудом, т.к. история семьи неразрывно связана с историей народа и страны;
- 2) проведенное исследование имеет высокую личную нравственную ценность для всех членов и родственников данной семьи, а также для лиц, каким-либо образом связанных с данной семьей, и для однофамильцев;
- 3) исследовательский процесс по изучению генеалогии семьи, который требует взаимодействия с родственниками, их опрос, обращение к семейным архивам, сплачивает семью, позволяет членам семьи ощутить причастность к единой общности, что способствует укреплению традиционных, прежде всего, семейных ценностей в обществе;
- 4) в процессе исследования у молодежи вырабатывается уважение к социальному институту семьи, происходит осознание социальной и духовной ценности семейной организации жизни, что вносит свой вклад в задачу сбережения народа страны и решение демографических проблем современного общества;
- 5) работа по приобщению молодых людей к научным исследованиям, творческой деятельности способствует их личностному полноценному духовному развитию на базе сохранения и укрепления традиционных духовных ценностей, развитию человеческого потенциала страны и является вкладом в обеспечение гражданского единства и национальной безопасности страны.

Целью исследования являлось построение генеалогического древа семьи Лисовицких, а также выявление и обнародование исторической информа-

ции о различных представителях семьи Лисовицких (Лисевицких).

Для достижения данной цели были поставлены и решены следующие задачи исследования: определены основные термины и понятия, необходимые для проведения исследования; уяснены принципы составления родословной; собрана, отсортирована и проанализирована информация о происхождении, истории и других характеристиках фамилии семьи; проведена исследовательская работа по сбору информации о конкретных членах семьи и составлены генеалогические карточки членов семьи Лисовицких (Лисевицких); составлено генеалогическое древо семьи.

Для достижения цели и решения поставленных задач использовались следующие исследовательские методы:

- 1) теоретические методы исследования: анализ применялся для изучения различных источников (исторических источников, материалов исследовательской, публицистической и художественной литературы); системный — для определения системы исследования; структурный — для структурирования работы; исторический — для изучения истории семьи и её отдельных членов, для понимания конкретно-исторических условий жизни разных поколений семьи; индукция позволила перейти от конкретных фактических данных к созданию родословной семьи, к прорисовке генеалогического древа семьи; абстрагирование применялось для осмыслиения конкретных жизненных фактов членов семьи с позиций их использования в научном исследовании и определения их места в родословной семьи; синтез — для формулирования общих выводов, создания общей картины древа семьи;
- 2) эмпирические методы исследования: беседа, интервью родственников; обработка, анализ, систематизация семейных архивных документов (писем, фотоматериалов), а также обработка, анализ и систематизация газетных и журнальных статей разных исторических времен, поиск материала в монографиях, книгах, Интернет и др. источниках.

Объектом исследования стали: я (автор исследования) и моя семья. Предметом исследования — моя родословная.

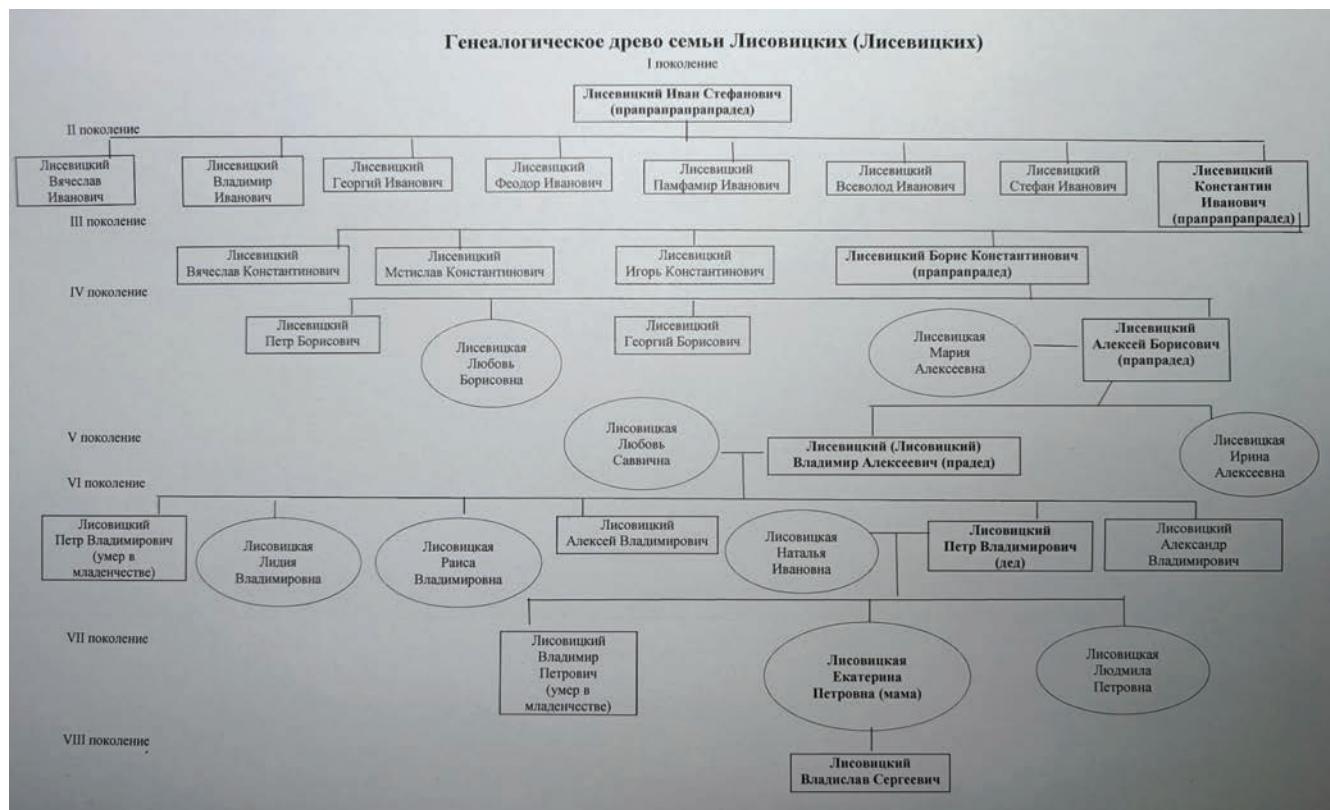

Рис. 1. Генеалогическое древо семьи Лисовицких (Лисевицких)

При составлении генеалогических карточек и генеалогического древа семьи автор использовал труды Н.А. Александровой [3], С.В. Кочевых [4]; Ю.Ф. Миронова [5]; А.Н. Онучина [6]; Л. Савелова [7]; Н.П. Чулкова [8], Интернет-сайт «Всероссийское Генеалогическое Древо (ВГД)» [9] и др. теоретические источники. При изучении происхождения фамилии рода были изучены монографии исследователей В.А. Никонова [10, 11], Е.Н. Поляковой [12], А.Н. Суперансской [13], Б.О. Унбекауна [14] и др. источники [15].

Историческими источниками исследования стали: письменные — опубликованные архивные материалы [16, 17, 18], книги (труды историков и краеведов, краеведческие очерки и романы, публицистика) [19, 20, 21], письма членов семьи и др.; устные (рассказы членов семьи); изобразительные (семейные и др. фотографии).

Научная новизна исследования состоит во введении в научно-исследовательское поле большого объема материала о личностях семьи Лисовицких (Лисевицких), а также в обобщении и систематизации собранного материала при распределении его по поколениям и построении генеалогического древа семьи Лисовицких (Лисевицких) (Рис. 1).

В результате проведенного исследования удалось выделить 8 поколений и составить генеалогическое древо семьи Лисовицких (Лисевицких). Собран материал о каждом из указанных в генеалогическом древе члене семьи. О ком-то удалось собрать больше сведений, о ком-то — меньше.

Так, например, при изучении «Списка дворянских родов Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей» [18; 17] удалось узнать, что в 1871 г. прапрапрапрапрадед автора данного исследования, Иван Стефанович Лисевицкий, за военные заслуги был призван в дворянство. Эти сведения стали в генеалогическом исследовании автора основой для определения I поколения. От Ивана Стефановича удалось проследить развитие рода Лисовицких (Лисевицких) в 8 поколениях.

Выяснилось, что в основном судьба семьи по мужской линии была связана с военной службой в различные периоды российского государства. Члены семьи принимали участие в исторических событиях России, в том числе: в русско-японской войне, Первой мировой войне, Октябрьской революции, Гражданской войне, Великой Отечественной войне, специальной военной операции

на Украине, некоторые стали жертвами политических репрессий в СССР. В роду Лисевицких (Лисовицких) есть, помимо блестящих военных, ученые, многие писали стихи (например, русская поэтеса с псевдонимом «Лесная», жившая и умершая в эмиграции в Парагвае). Также среди них были священнослужители (например, Лисевицкий Сергей Николаевич был иподиаконом у митрополита Трифона, а затем трёх патриархов Русской Православной Церкви — Сергия, Алексия I и Пимена, он считался главным фотографом в РПЦ).

При замене паспорта прадедушки автора исследования, Владимира Алексеевича Лисевицкого, произошла ошибка в написании фамилии: вместо буквы «е» была написана буква «о» — Лисовицкий. Исправлять ошибку В.А. Лисевицкий не стал, т.к. был членом КПСС и не захотел подтверждать свое дворянское происхождение, опасаясь последствий для себя и своих близких — его и всю семью с детьми могли отправить в исправительно-трудовой лагерь, как это произошло с его родственником Николаем Игоревичем Лисевицким. Далее род автора исследования развивался под фамилией Лисовицких.

Таким образом, в истории семьи Лисевицких (Лисовицких) отражается история нашей страны.

Выполненное исследование имеет практическую значимость:

- составленное генеалогическое древо семьи и собранный исторический материал о членах семьи будут передаваться в семье Лисовицких из поколения в поколение, прирастая новыми ветвями. Историческая память будет укреплять семейное сообщество;
- создана возможность установить семейные связи (родословие помогает людям находить и налаживать связь с дальнекровными родственниками, создавая сети общения и поддержки);
- вносится вклад в процесс сохранения духовного наследия страны (знание своих корней способствует сохранению традиций и обычая, передаваемых из поколения в поколение);
- материалы исследования могут быть интересны не только членам семьи, но и всем, интересующимся историей России, поскольку судьба семьи Лисевицких (Лисовицких) неотделима от судьбы страны.

Литература

1. Указ Президента РФ от 19.12.2012 г. N 1666 (ред. от 15.01.2024) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Справочная правовая система КонсультантПлюс [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=467303&dst=1000000001&cacheid=A88904152CC8B946C584620814DF1A16&mode=splus&rnd=0.6064774014350156#x83zAzUSL95HAhw31> (дата обращения: 08.09.2025)
2. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. N 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»// Справочная правовая система КонсультантПлюс [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=430906&dst=1000000001&cacheid=23256FF5712D6F44E2ED27B4B5A590E5&mode=splus&rnd=0.6064774014350156#y970BzUHdH7ORCm4> (дата обращения: 08.09.2025)
3. Александрова, Н.А. Родословно-биографическое краеведение: Методические рекомендации по работе над своей родословной. — Москва, 2018.
4. Кочевых, С.В. Методическое пособие по проведению генеалогических разысканий. Основы генеалогической культуры. — Санкт-Петербург, 2006-2011. — 80 с.
5. Миронов, Ю.Ф. Пишем родословную книгу. — Санкт-Петербург: Книгоиздательство «Всемирное слово», 2003. — 60 с. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1345166/text.pdf> (дата обращения: 29.09.2025)
6. Онучин, А.Н. Твое родословное древо. Практическое пособие по составлению родословной. — Пермь: Изд-во генеалогов-любителей, 1992. — 40 с.
7. Савелов, Л. Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском археологическом институте преподавателем Института Л.М. Савеловым. — Москва : [Моск. археол. ин-т] т-во «Печ. С.П. Яковлева», 1908-1909. // Репринт: Москва: Археографический центр, 1995. — 303 с. URL: <https://archive.org/details/lektsiiporusskogogenalogichitannyevmos4/page/n31/mode/2up> (дата обращения: 19.09.2025)

ПЕДАГОГИКА

Патриотизм через формулы и законы: как история науки оживляет уроки физики и математики

Бруйкова Анна Сергеевна

МБОУ многопрофильный лицей г. Липецка, Липецк, Россия

Учитель физики и математики 1 категории

E-mail: anechka_1106@mail.ru

Аннотация: в статье анализируются практические пути интеграции патриотического воспитания в курс физики и математики основной школы. Рассматривается история отечественной науки как живой воспитательный ресурс, предлагая конкретные методические решения, соответствующие Федеральным государственным образовательным стандартам (ФГОС). Особое внимание уделяется формированию эмоциональной связи учащихся с научным наследием России через проектную деятельность, контекстные задачи и систему «научных пятиминуток».

Ключевые слова: патриотическое воспитание, интеграция, история отечественной науки, ФГОС, проектная деятельность, контекстные задачи, методика преподавания.

В эпоху цифровизации и глобализации школа сталкивается с вызовом: как сохранить у подрастающего поколения чувство культурной и гражданской идентичности? Ответ может лежать в неожиданной области — на уроках точных наук. Физика и математика, часто воспринимаемые как дисциплины, далёкие от воспитания, обладают мощным скрытым потенциалом. Этот потенциал — в их истории, написанной судьбами учёных, чьи открытия не только изменили мир, но и укрепили могущество и безопасность нашей страны.

Патриотизм в этом контексте — не лозунг, а живое чувство сопричастности к великой интеллектуальной традиции. Это осознание того, что законы Ньютона и теоремы планиметрии — не абстракция, а часть культурного кода, который со-

здавали М.В. Ломоносов, С. В. Ковалевская, Л.Д. Ландау, А.Н. Колмогоров [3, с. 165].

Ключевой принцип интеграции — превращение исторического контекста из дополнения в смыслообразующий элемент урока. Не «сначала формула, потом — ради интересного — биография», а «биография как ключ к пониманию значимости формулы» [2, с. 272].

Например, на уроках физики при изучении темы «Реактивное движение», через призму патриотизма рассказать историю мечты калужского учителя, который, не имея лабораторий, рассчитывал будущее космонавтики. А затем — феномен «катюши» (БМ-13). Как простое применение закона сохранения импульса стало оружием Победы? Расчёт траектории полёта снаряда можно рассмо-

треть на основе реальных технических характеристик установки [1, с. 117-133].

На основе чертежей штурмовика Ил-2 («летающего танка») рассчитать угол наклона бронестекла для лучшей защиты пилота, применяя знания о перпендикуляре и угле падения.

При изучении темы «Магнитное поле Земли» вспомнить про операцию по «размагничиванию» кораблей в 1941-1942 гг. под руководством Игоря Курчатова и Анатолия Александрова. Это был гениальный физический ответ на немецкие магнитные мины, спасший тысячи жизней и флот. Здесь физика предстаёт как наука, прямо спасающая Родину [6, с. 52–53, 67, 102].

На уроках вероятности и статистики вспомнить, что Андрей Колмогоров, один из создателей современной теории вероятностей, в годы войны применял свои методы для артиллерийской стрельбы. И, предложить ученикам упрощённую задачу: рассчитать вероятность поражения цели при заданном рассеивании снарядов, используя исторические данные о баллистике. Заменить абстрактные условия на исторически и технически достоверные [4, с. 45-48].

Эффективным инструментом является введение в структуру урока кратких исторических справок — «информационных пятиминуток». Их тематика связана к государственным праздникам и памятным датам в истории науки. Например, в День радио, который отмечается 7 мая вспомнить рассказ о А.С. Попове и его принципиальной позиции: «Я — русский человек, и все свои знания, весь свой труд, все свои достижения имею право отдать только своей Родине». В День Победы сделать акцент на вкладе конструкторов (танков Ж.Я. Котина, самолетов С.В. Ильюшина, А.Н. Туполева), чьи работы базировались на точнейших физико-математических расчетах. В День космонавтики обсудить роли математиков и физиков в расчете траекторий, создании материалов и систем жизнеобеспечения [8, с. 305].

Такой подход делает патриотическое воспитание не эпизодическим, а системным и перманентным.

Чтобы воспитательный процесс был эффективным, ученик должен стать его активным участником. Нужно увлечь самим предметом, показать его силу и красоту. Этого можно достичь через проектную деятельность по таким темам как:

- Инженерное чудо: математика в конструкции московских небоскрёбов (например, Останкинской башни)».
- «Учёный на фронте: как физики помогали побеждать (акустика, баллистика, радиолокация)».
- «Нобелевские лауреаты из России: почему их открытия важны для мира?».

Главная цель — не информировать, а затронуть чувства. Когда ученик узнаёт, что в холодной лаборатории блокадного Ленинграда академик А.Ф. Иоффе с коллегами создавали новые виды вооружения, физика становится историей мужества. Когда он решает задачу, основанную на реальных данных о «Дороге жизни», математика становится инструментом понимания масштаба подвига [5, с. 279-282].

История отечественной науки — это не пыльный архив, а живое педагогическое поле. Интегрируя её в ткань урока, мы делаем больше, чем воспитываем патриотов. Мы показываем, что быть учёным или инженером — это не только престижно, но и достойно. Это путь служения, требующим ума, воли и характера. Как писал Ломоносов, наука есть «очищение разума», а в нашем контексте — и очищение сердца, воспитывающее гражданина, который знает цену наследию своей страны и способен его приумножить [7, с. 366-369].

Таким образом, урок физики или математики превращается в пространство диалога — с прошлым, с великими предшественниками и, наконец, с самим собой, где каждый решённый пример или выведенная формула становятся шагом в осознании собственной роли в непрерывной цепи отечественного познания.

Литература

1. Визгин, В.П. Междисциплинарные подходы в историко-научных исследованиях: советская физика 1930-1940-х гг. / В.П. Визгин // Вопросы истории естествознания и техники. — 2000. — № 4. — С. 117-133.
2. Горобец, Б.С. Круг Ландау: Физика войны и мира / Б.С. Горобец. — М.: ЛИБРОКОМ, 2009. — 272 с.
3. Колмогоров в воспоминаниях учеников / Сост. А.Н. Ширяев. — М.: МЦНМО, 2006. — 472 с.

4. Львовский, С.М. Научно-популярные задачи по физике и математике / С.М. Львовский // Квант. — 2020. — № 5. — С. 45-48
5. Колесова Н.А., Макаренко Т.А. Внеклассное мероприятие по физике как средство актуализации знаний // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2016. Т. 30. С. 279-282.
6. Физика: Занимательные материалы к урокам. 7 кл./Авт.- сост. А. И. Семке.-М.: Изд-во НЦ ЭНАС, 2006.,-с.52–53,67,102.
7. Никулина Т. В. Патриотическое воспитание на уроках физики // Молодой ученый. — 2017. — №24. — С. 366-369.
8. Агапова, И.А. Мы — патриоты! Классные часы и внеклассные мероприятия: 1-11 классы / И.А. Агапова, М.А. Давыдова. — М.: ВАКО, 2006. — 368 с.

ПСИХОЛОГИЯ

Выявление и оценка предикторов кибервиктимности в интересах обеспечения психологической безопасности в ранней юности

Шиварева Мария Павловна

Первый Московский государственный
медицинский университет имени И.М. Сеченова
Министерства здравоохранения Российской Федерации
г. Москва, Россия
студент
E-mail: shivareva_m_p@student.sechenov.ru

Аннотация: в статье анализируются теоретические основания психодиагностики лиц ранней юности (15–21 лет), подвергшихся кибербуллингу. Рассмотрены концепции психологической уязвимости и виктимности, а также индивидуально-личностные факторы, определяющие восприимчивость к онлайн-агgressии. Систематизированы психодиагностические методики, применяемые для оценки акцентуаций характера, склонности к виктимному поведению, уровня самооценки и эмоциональных состояний. Особое внимание уделено роли психодиагностики в обеспечении психологической безопасности: показано, что раннее выявление предикторов кибервиктимизации позволяет предупреждать нарушения эмоционального благополучия, снижать риски повторной виктимизации и формировать адресные профилактические программы. Показана значимость комплексной диагностики для разработки научно обоснованных мер профилактики и психологической коррекции.

Ключевые слова: психологическая безопасность, психодиагностика, кибервиктимность, кибербуллинг, виктимность, ранняя юность, акцентуации характера, самооценка.

Методология исследования

Методологической основой работы являются современные подходы психологии безопасности, а также концепции виктимности, цифровой социализации и техногенных рисков. В исследовании применены методы теоретического анализа, сравнительно-сопоставительный анализ научных источников, структурно-функциональный под-

ход к изучению цифровой агрессии, а также контент-анализ психодиагностических инструментов. Для систематизации предикторов кибервиктимности рассматриваются валидизированные методики оценки акцентуаций характера, самооценки, тревожности, агрессии, виктимности и копинг-стратегий. Методологический принцип комплексности позволяет интегрировать личностный, поведенчес-

ский и средовой уровни анализа, что обеспечивает выявление факторов риска, значимых в контексте психологической безопасности молодых пользователей цифровой среды.

Научная новизна исследований

Психодиагностика предикторов кибервиктимности рассмотрена как инструмент обеспечения психологической безопасности в ранней юности.

Систематизирован диагностический инструментарий с указанием его релевантности для оценки факторов уязвимости в цифровой среде.

Обоснована необходимость учета техногенных характеристик интернет-пространства при интерпретации данных психодиагностики.

Раскрыта взаимосвязь индивидуально-психологических особенностей и цифровых рисков, что позволяет формировать адресные профилактические стратегии.

Психологическая уязвимость и виктимность

По мнению О.О. Андронниковой, виктимность определяется как устойчивая личностная характеристика или поведенческая стратегия, повышающая вероятность попадания в ситуацию насилия [1]. Для лиц ранней юности типичны факторы, повышающие уязвимость: низкая самооценка, эмоциональная нестабильность, дефицит навыков ассертивного поведения.

Возрастные особенности ранней юности

Согласно теории Э. Эрикsona, ранняя юность — это этап кризиса идентичности, поиска социальной принадлежности и утверждения личных ценностей [2]. Эти идеи перекликаются с подходами И.С. Коня, рассматривавшего юношеский возраст как критический этап формирования личности и социальной зрелости [3]. Эмоциональная реактивность, зависимость от одобрения сверстников и склонность к резким аффективным реакциям усиливают восприимчивость к онлайн-агgressии.

Во второй работе Усова Л.Е. и Григорьева А.А. анализируют исследования, которые описывают развитие представлений о смерти в подростковом возрасте. Авторы показывают, что отношение

к смерти связано с уровнем эмоциональной стабильности, ценностными ориентациями и способами переживания кризисов. Если представления о смерти остаются незрелыми или противоречивыми, возрастает риск дезадаптивного поведения и эмоциональной нестабильности. Эти особенности могут усиливать чувствительность к негативным воздействиям, в том числе в цифровой среде. Исследование подчёркивает, что психологическая уязвимость формируется не только за счёт личностных черт, но и за счёт смысловых характеристик, связанных с жизнью и смертью. Эти выводы позволяют глубже рассмотреть механизмы психологической безопасности и объяснить, почему молодые люди по-разному реагируют на онлайн-аггрессию [4].

В классическом понимании на этапе ранней юности ведущей деятельностью является учебно-профессиональная деятельность, однако роль коммуникативной сферы и деятельности, связанной с общением, остается весьма значимой, ее невозможно переоценить для данной возрастной группы, она влияет на уровень адаптационных способностей, умение адаптироваться в социуме, в микросоциальной среде, поэтому те, кто дезадаптируются, они пытаются уйти в виртуальную реальность, а в ней снова сталкиваются с трудностями в коммуникациях в силу виктимности, заниженной самооценки и др.

Личностные акцентуации как предикторы кибервиктимизации

По К. Леонгарду и А.Е. Личко, сенситивный, тревожный, циклотимный и возбудимый типы акцентуаций повышают риск попадания в роль жертвы [5, 6]. При этом необходимо учитывать более широкие представления о подростковой агрессии, где И.А. Бердышев указывает, что агрессивные проявления часто выступают как защитная реакция в условиях социальной дезадаптации [7].

Исследование Григорьевой А.А. и Усовой Л.Е. показывает, что виктимность подростков связана с повышенной эмоциональной уязвимостью и нестабильностью поведения. Авторы отмечают, что подростки с выраженной виктимностью чаще демонстрируют импульсивные реакции и трудности самоконтроля. У них наблюдаются агрессивные и аутоагressивные проявления. Эти данные

подтверждают, что виктимность отражает комплекс личностных факторов риска, а не только внешние обстоятельства. В таком профиле уязвимости формируется слабая способность к адаптации и к конструктивному реагированию на стресс. Подобные черты повышают вероятность столкновения с агрессией как в реальной, так и в цифровой среде. Поэтому результаты работы авторов важны для понимания предикторов кибервиктимности в ранней юности [8].

Цели и задачи психодиагностики жертв кибербуллинга

- выявление предрасполагающих личностных характеристик и поведенческих паттернов;
- определение психологических последствий кибербуллинга;
- оценка ресурсов и защитных механизмов личности;
- формирование рекомендаций по профилактике и коррекционной работе.

Таблица 1. Диагностический инструментарий: обзор методик, основные применяемые методики

Название методики	Автор методики	Диагностируемые параметры
Опросник акцентуаций характера	К. Леонгард — Н. Шмишек (адапт. А.Е. Личко) [5].	Выявляет акцентуации, связанные с эмоциональной уязвимостью.
Склонность к виктимному поведению	О.О. Андронникова [1].	Определяет формы виктимности.
Шкала самооценки	М. Розенберга (в адаптации В.Г. Ромек) [9].	Измеряет глобальную самооценку.
Тест-опросник Басса–Дарки.	Опросник стандартизирован А.А. Хваном, Ю.А. Зайцевым и Ю.А. Кузнецовой [10].	Определяет уровень и формы агрессии.
Опросник копинг-стратегий (WCQ).	Р. Лазаруса, С. Фолкман [11].	Выявляет стратегии совладания.
Interpersonal Reactivity Index	M.H. Davis [12].	Измеряет эмпатию.
Шкала тревожности.	Ч.Д. Спилбергер — Ю.Л. Ханин [13].	Определяет личностную и ситуативную тревожность.
Проективная методика «Несуществующее животное».	И.В. Михайлова [14].	Раскрывает скрытые эмоциональные конфликты.
Cyberbullying Victimization Scale	J.W. Patchin, S. Hinduja [15].	Оценивает опыт кибервиктимизации.

Теоретические подходы (принципы) к выбору методик

- принцип комплексности — оценка личности, эмоций, поведения и опыта виктимизации;
- принцип возрастной релевантности — соответствие особенностям когнитивного и эмоционального развития 15–21 лет;
- принцип культурной адаптации — корректный перевод и адаптация зарубежных методик;
- принцип валидности и надежности — использование апробированных инструментов;
- принцип этичности — предотвращение повторной травматизации в процессе диагностики.

Анализ теоретических оснований психодиагностики в контексте кибербуллинга показал, что уязвимость в ранней юности формируется под влиянием комплекса факторов: личностных особенностей (акцентуации характера, низкая самооценка, виктимные установки) и специфики возрастного развития (кризис идентичности, зависимость от мнения сверстников, высокая эмоциональная реактивность). Эти параметры определяют как вероятность попадания в ситуацию кибервиктимизации, так и глубину её психологических последствий.

В последние годы в отечественной научной литературе проблема кибербуллинга получила новое

освещение за счёт интеграции психологических, педагогических, социокультурных и правовых подходов.

Так, в исследовании А.А. Румянцевой показано, что кибербуллинг у подростков имеет ярко выраженные гендерные различия: юноши чаще демонстрируют импульсивные реакции и потерю контроля, тогда как девушки более подвержены снижению самооценки и эмоциональной уязвимости. Автор подчёркивает феномен ретравматизации, обусловленный анонимностью и непредсказуемостью онлайн-агgressии [16].

О.О. Андронникова отмечает высокую распространённость кибербуллинга в образовательной среде и фиксирует, что учащиеся старших классов и студенты чаще всего становятся жертвами виктимизации в сети. В качестве превентивной меры подчёркивается необходимость системных программ профилактики, реализуемых на уровне школ и вузов [17].

Исследование Н.Е. Мукановой и соавторов выявило связь между тревожностью, депрессией и риском попадания в ситуацию кибербуллинга в студенческой среде. Авторы предлагают формирование «цифровой этики» как средство профилактики и развития психологической устойчивости [18].

С точки зрения анализа поведения в виртуальной среде, О.А. Жихарева, В.А. Лучинкина и Н.В. Кольчик показали, что подростки с десоциализацией чаще используют интернет для деструктивного общения. При этом значимыми предикторами выступают не только личностные черты, но и мотивационно-коммуникативные установки [19].

По данным Г.У. Солдатовой и В.Н. Шляпникова [20], подростки при использовании интернета сталкиваются с рисками деструктивного общения, что создаёт предпосылки для виктимизации. Схожие выводы делает А.А. Бочавер и К.Д. Хломов [21], отмечая значимость цифровой социализации и медиабезопасности в подростковом возрасте.

Правовой и социально-технологический ракурс представлен в работах К.В. Чистякова, где кибербуллинг рассматривается как разновидность цифровой агрессии, требующей законодательного регулирования и профилактики через цифровую грамотность [22]. Похожие позиции развивают Н.Ю. Волосова и соавторы, акцентируя внимание на необходимости междисциплинарного сотрудничества психологов, юристов и ИТ-специалистов [23].

Особый вклад в профилактическое направление вносит О.И. Титова, подчёркивая роль семьи в мониторинге и предупреждении кибербуллинга. Автор предлагает программы психологической диагностики и просвещения родителей, ориентированные на формирование навыков медиабезопасности [24].

Как отмечает С.В. Кривцова [25], кризисные ситуации подростков и юношей требуют разработки специальных методов психолого-педагогической поддержки. Эти подходы можно экстраполировать и на работу с жертвами кибербуллинга, где диагностика и коррекционные меры должны учитывать не только личностные, но и социально-средовые факторы.

Таким образом, сопоставление различных теоретических подходов позволяет выделить несколько ключевых акцентов. Личностно-ориентированные исследования концентрируются на индивидуальных предикторах виктимности (самооценка, тревожность, акцентуации характера). Социокультурные и педагогические работы рассматривают роль образовательной среды и семейного воспитания. Правовые и междисциплинарные подходы акцентируют внимание на институциональных мерах и цифровой грамотности. Эти точки зрения взаимодополняют друг друга, формируя целостное понимание феномена кибербуллинга и подтверждая необходимость комплексных профилактических и коррекционных программ.

Нормативные и классификационные основы кибербуллинга, киберзависимости и кибервиктимности представлены в работах Д.В. Жмурова, обеспечивающих значимый вклад в формирование научного дискурса о кибервиктимности [26, 27, 28]. В ряде своих трудов автор подчёркивает, что феномен виктимизации в цифровой среде обусловлен не только личностными или межличностными характеристиками, но и особенностями самой техносферы. Так, в статье «Техногенные предпосылки кибервиктимизации» Д.В. Жмуров отмечает, что «анонимность, масштабируемость, автоматизация и сетевые эффекты становятся факторами, существенно повышающими вероятность превращения пользователя в жертву цифровой агрессии» [27].

В монографии «Кибервиктимология» он даёт следующее определение: «Кибервиктимность — это совокупность социально-психологических и техногенных факторов, обуславливающих возможность

и вероятность становления лица жертвой агрессии и противоправного воздействия в цифровой среде» [28].

Кибербуллинг, в трактовке Д.В. Жмурова, представляет собой «умышленные, систематические действия агрессивного характера, осуществляемые с использованием цифровых технологий, направленные на причинение психологического или репутационного вреда жертве, обладающей ограниченными возможностями защиты» [26].

Таким образом, работы Д.В. Жмурова позволяют расширить психодиагностическую перспективу, дополнив её анализом техногенных предпосылок, структурных характеристик интернет-среды и междисциплинарным подходом, сочетающим психологические и правовые аспекты.

Сопоставление международных классификаций психических расстройств демонстрирует эволюцию взглядов на феномен «киберзависимости» и связанных с ним проявлений. Существуют различные классификационные подходы: МКБ-10, МКБ-11 и DSM-5 [29, 30, 31].

МКБ-10, действующая в России, не содержит отдельного диагноза «интернет-зависимость» или «игровая зависимость». Поведенческие аддикции ограничиваются в основном патологическим влечением к азартным играм (F63.0). Использование терминов «киберзависимость» или «интернет-аддикция» в клинической практике остаётся описательным и вне рамок официальной классификации [29].

МКБ-11, утверждённая Всемирной организацией здравоохранения, впервые включает диагноз «Игровое расстройство» (Gaming disorder, 6C51), характеризующийся нарушением контроля, приоритетом игры над иными видами деятельности и продолжением поведения несмотря на негативные последствия. Кроме того, вводится категория «Опасное игровое поведение» (Hazardous gaming), описывающая случаи, когда интенсивное использование игр ещё не достигло клинического уровня расстройства, но сопряжено с повышенными рисками [30].

DSM-5, Американская психиатрическая ассоциация, определяет «Интернет-игровое расстройство» (Internet Gaming Disorder, IGD) как состояние для дальнейшего изучения (раздел III). Критерии включают девять симптомов (потеря контроля, абstinенция, толерантность, снижение

интереса к другим видам активности, использование игры для регуляции настроения и др.), при этом диагностический порог составляет пять симптомов в течение 12 месяцев [31].

Сравнительный анализ показывает, что: МКБ-10 в рамках российской практики не предоставляет формализованной базы для диагностики «киберзависимости»; МКБ-11 закрепляет понятие «игрового расстройства» и тем самым институционализирует проблему чрезмерного использования цифровых технологий; DSM-5 рассматривает IGD как перспективное направление исследований, что свидетельствует о признании клинической значимости, но отсутствии консенсуса.

Работы Д.В. Жмурова подчёркивают необходимость рассматривать кибербуллинг и кибервиктимность не только как межличностный или индивидуально-психологический феномен, но и как результат техногенной среды.

Сравнительный анализ МКБ-10, МКБ-11 и DSM-5 демонстрирует тенденцию к институционализации понятий, связанных с цифровыми формами аддиктивного поведения, что важно учитывать при разработке диагностических и профилактических подходов.

Психологическая безопасность как рамка анализа кибервиктимности

Психологическая безопасность в юношеском возрасте понимается как состояние защищённости личности от угроз, способных нарушить её эмоциональное, когнитивное и социальное функционирование. В условиях цифровизации это включает способность распознавать онлайн-риски, сопротивляться манипулятивным воздействиям, сохранять самооценку и устойчивость в условиях агрессии.

Кибербуллинг и кибервиктимизация выступают значимыми угрозами психологической безопасности, поскольку нарушают чувство контроля, подрывают самоценность личности, вызывают эмоциональную дестабилизацию и могут приводить к длительным психологическим последствиям.

Психоанализика позволяет выявлять предикторы уязвимости до возникновения критических ситуаций, тем самым выступая инструментом профилактики нарушений психологической безопасности. Результаты диагностики служат ос-

нованием для разработки программ психопрофилактики и коррекции, ориентированных на укрепление личностных ресурсов и развитие цифровой грамотности.

Кибербуллинг выступает одной из наиболее значимых угроз для психического развития молодежи. Он сочетает в себе особенности традиционного буллинга и новые формы агрессии, возникающие в цифровой среде. Для ранней юности характерна высокая зависимость от мнения сверстников, неустойчивость самооценки, повышенная эмоциональная реактивность. Эти особенности делают молодых людей особенно восприимчивыми к онлайн-насилию.

Анализ показал, что предикторы виктимности имеют комплексную природу. В их числе — личностные акцентуации, низкая самооценка, дефицит навыков асертивного поведения, тревожность и эмоциональная нестабильность. Существенную роль играют и социальные факторы: стиль семейного воспитания, характер школьного и студенческого взаимодействия, качество цифровой социализации. В совокупности эти условия формируют индивидуальные траектории уязвимости.

Диагностический подход в данной области должен быть многомерным. Недостаточно фиксировать только факт переживания кибербуллинга. Важно оценивать личностные особенности, эмоциональные реакции, способы совладания и защитные механизмы. Применение комплекса методик позволяет выявлять не только риски, но и ресурсы личности. Это дает возможность строить адресные программы профилактики и коррекции.

Практическая значимость психодиагностики заключается в том, что она помогает прогнозировать вероятность повторной виктимизации. Ранняя диагностика снижает риск тяжелых последствий, таких как депрессия, тревожные расстройства, социальная изоляция. Важно учитывать, что избыточная фиксация на травматическом опыте может сама по себе усиливать уязвимость. Поэтому диагностика должна проводиться с учетом этических принципов и минимизации вторичной травматизации.

Профилактика кибербуллинга требует системного подхода. Она должна включать образовательные программы, формирование цифровой грамотности, развитие культуры онлайн-общения. Особое внимание необходимо уделять просвещению родителей и педагогов. Семья и образовательная среда

выступают ключевыми агентами поддержки. Без их участия усилия психологов и специалистов по кибербезопасности будут ограниченными.

Перспективным направлением остается разработка программ цифровой этики для подростков и студентов. Эти программы должны учить управлению коммуникацией, распознаванию рисков, развитию эмпатии и навыков конструктивного взаимодействия. Важно сочетать традиционные формы профилактики с новыми цифровыми инструментами, включая онлайн-платформы и приложения для мониторинга рисков.

Междисциплинарное сотрудничество становится необходимым условием работы с кибервиктимностью. Психологи, педагоги, юристы, специалисты в области ИТ и медиабезопасности должны действовать совместно. Только объединение знаний и практик позволит снизить распространенность кибербуллинга и его последствия. Важна и поддержка со стороны государственных структур, обеспечивающих нормативно-правовую базу и систему регулирования.

Необходимо учитывать ограничения существующих исследований. Многие методики не адаптированы для российской выборки. Часть инструментов не учитывает культурные различия и особенности восприятия цифровой среды. Существует и риск формального подхода, когда диагностика проводится ради отчета, а не ради помощи жертвам. Эти проблемы требуют дальнейшей проработки.

Перспективы развития исследований связаны с уточнением концепции кибервиктимности. Нужно расширять классификации, учитывать техногенные факторы, изучать влияние искусственного интеллекта, социальных сетей нового поколения, виртуальной и дополненной реальности. Все эти сферы формируют новые риски и создают необходимость в обновлении диагностического инструментария.

Таким образом, кибербуллинг в ранней юности следует рассматривать как сложный и многомерный феномен. Его изучение требует учета личностных, социальных и технологических факторов. Психодиагностика становится не только средством выявления проблем, но и основой профилактики, коррекции, просвещения. Только комплексный подход способен обеспечить реальную защиту психического здоровья молодежи в условиях цифровизации.

Выводы

1. Кибербуллинг и кибервиктимизация в ранней юности имеют полифакторную природу и детерминируются сочетанием личностных, эмоциональных, коммуникативных и техногенных факторов.
2. Психодиагностика является ключевым инструментом раннего выявления предикторов уязвимости и играет важную роль в обеспечении психологической безопасности молодёжи в цифровой среде.
3. Комплексное использование валидизированных методик позволяет прогнозировать риски повторной виктимизации и формировать адресные программы профилактики и психологической коррекции.
4. Междисциплинарный подход, объединяющий психологические, педагогические, правовые и технологические ресурсы, является необходимым условием снижения распространённости кибербуллинга и его последствий.
5. Полученные теоретические обобщения создают основу для дальнейших эмпирических исследований и разработки практических рекомендаций по укреплению цифровой устойчивости молодых пользователей.
6. Обеспечение психологической безопасности в цифровой среде возможно только при условии раннего выявления личностных и эмоциональных факторов уязвимости. Психодиагностика выступает ключевым инструментом профилактики и укрепления цифровой устойчивости молодёжи.

Литература

1. Андронникова О.О. Склонность к виктимному поведению. — Новосибирск: НГПУ, 2016.
2. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. — М.: Прогресс, 1996. — 344 с.
3. Кон И.С. Психология юношеского возраста: проблемы формирования личности. — М.: Просвещение, 1989. — 255 с.
4. Григорьева, А. А., Усова, Л. Е. (2020) Взаимосвязь склонности к виктимному поведению и рисков употребления психоактивных веществ у подростков // Психология и право. — 2020. — Т. 10, № 3. — С. 211–223.
5. Леонгард К. Акцентуированные личности. — М.: Медицина, 1981. — 511 с.
6. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. — Л.: Медицина, 1983. — 256 с.
7. Бердышев И.А. Психологические аспекты подростковой агрессии. — Екатеринбург: УрГУ, 2008. — 154 с.
8. Усова, Л.Е., Григорьева, А.А. Теоретический анализ современных исследований развития представлений о смерти в подростковом возрасте // Теоретическая и экспериментальная психология. — 2023. — № 2. — С. 94–106.
9. Розенберг М. Шкала самооценки. — М.: Институт психологии РАН, 1992. — 24 с.
10. Хван А.А., Зайцев Ю.А., Кузнецова Ю.А. Стандартизованный опросник измерения агрессивных и враждебных реакций А. Басса и А. Дарки: методические рекомендации [Электронный ресурс]. — Кемерово: КРИПКИПРО, 2006.
11. Лазарус Р., Фолкман С. Стресс, оценка и копинг. — СПб.: Питер, 1994. — 345 с.
12. Davis M.H. Measuring individual differences in empathy: Evidence for a multidimensional approach. Journal of Personality and Social Psychology, 1983.
13. Спилбергер Ч.Д., Ханин Ю.Л. Измерение тревожности: руководство по применению шкалы. — Л.: Наука, 1987. — 45 с.
14. Михайлова И.В. Проективная методика «Несуществующее животное». — СПб.: Речь, 2007. — 64 с.
15. Patchin J. W., Hinduja S. Bullying, cyberbullying, and suicide // Archives of Suicide Research. — 2010. — Vol. 14, No 3. — P. 206–221.
16. Румянцева А. А. Кибербуллинг как форма онлайн-агрессии: гендерные различия и психологические последствия // Молодой учёный. — 2025. — № 29 (580). — С. 166–169.
17. Андронникова О.О. Кибербуллинг в образовательной среде: масштабы и профилактика // Вестник педагогических инноваций. — 2022. — № 1 (65). — С. 87–94.

18. Муканова Н.Е., Алиева А.С., Курманбекова А.М. Кибербуллинг в студенческой среде: психологические факторы и профилактика // Известия. Серия: педагогические науки. — 2024. — № 2. — С. 101–112.
19. Жихарева О.А., Лучинкина В.А., Кольчик Н.В. Нормативность и девиантность поведения подростков в интернете // RR Pedagogy Journal. — 2021. — № 1 (53). — С. 45–55.
20. Солдатова Г. У., Шляпников В. Н. Подростки в интернете: риски и безопасность // Национальный психологический журнал. — 2013. — № 2 (10). — С. 28–37.
21. Бочавер А.А., Хломов К.Д. Психология кибербуллинга. — М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2019.
22. Чистяков К.В. Кибербуллинг как форма цифровой агрессии: проблемы профилактики // Проблемы экономики и юридической практики. — 2023. — № 4. — С. 188–195.
23. Волосова Н.Ю., Белякова Е.А., Полякова И.С. Междисциплинарные аспекты противодействия кибербуллингу // Юридическая наука и практика. — 2023. — № 3. — С. 212–220.
24. Титова О.И. Предпосылки кибербуллинга в подростковом возрасте и возможности профилактики его с участием родителей // Мир педагогики и психологии. — 2025. — № 2 (103). — С. 34–40.
25. Кривцова С. В. Психологическая помощь подросткам в кризисных ситуациях. — М.: Генезис, 2005. — 192 с.
26. Жмурев Д.В. Кибервиктимология: монография. — М.: Медицина, 2020. — 412 с.
27. Жмурев Д.В. Техногенные предпосылки кибервиктимизации // Victimology. — 2023. — Т. 10. — № 2. — С. 15–27.
28. Жмурев Д.В. Кибервиктимология. — М.: Юрлитинформ, 2023. — 248 с.
29. Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем. Десятый пересмотр (МКБ-10). — Женева: Всемирная организация здравоохранения, 1994. — 1200 с.
30. International Classification of Diseases for Mortality and Morbidity Statistics (ICD-11). — Geneva: World Health Organization, 2019. — URL: <https://icd.who.int> (дата обращения: 16.08.2025).
31. American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. 5th ed. — Washington, DC: APA, 2013. — 947 p

ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА

Предпереводческий и постпереводческий анализы статьи «Understanding Relationship Trauma»

Гокжаева Екатерина Андреевна
Топчиева Виктория Васильевна
Христоева Анастасия Игоревна

ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский Федеральный Университет»,
Северо-Кавказский Федеральный Университет, Ставрополь, Россия

Студентки

E-mail: gokzhaevakate@gmail.com

akhrs07@mail.ru

topchieva.vicktoria@yandex.ru

Аннотация: рассмотрена статья «Understanding Relationship Trauma» и выполнены предпереводческий и постпереводческий анализы. Осуществлены характеристика адресанта исходного текста, общая характеристика исходного текста; лексическая, грамматическая, стилистическая, прагматическая характеристики. Реализованы характеристика потенциального адресата, обоснован выбор переводческой стратегии для достижения предполагаемого конкретного типа перевода и определён результатом перевода. Выбран вид эквивалентности, обоснованы переводческие приёмы. Приведены примеры.

Ключевые слова: терминологичность, исходный текст, прагматика, стилистика, эквивалентность, лексика, грамматика, неологизмы, культурные реалии, анафора, градация, инверсия, тропы, метафоры, когнитивная функция, эмоционально-поддерживающая функция, конативная функция, адекватный перевод, семантический перевод, дословный перевод, адекватный перевод.

«Understanding Relationship Trauma» является научно-популярной статьей на тему психологической травмы в отношениях. Лексический состав статьи отличается высокой степенью терминологичности, сочетая в себе публицистический и разговорный стили, что делает материал доступным для широкой аудитории, но при этом сохраняет научную строгость.

Данная тема актуальна, так как чаще всего люди умалчивают о своих проблемах, но в жизни

многие сталкиваются с насилием в отношениях, не проработав эту проблему, она может повлиять на жизнь и повлечь за собой множество трудностей.

Предпереводческий анализ

Адресатом текста выступает коллективный и высокоавторитетный источник — онлайн-платформа «Verywell Mind», известная как специализированные и достоверные ресурсы в сфере ментального здоровья. Индивидуальными авторами

являются Джералин Декстер, обладающая научной степенью и лицензией практикующего консультанта по психическому здоровью, а также медицинский рецензент Мелисса Бронстайн – лицензированный независимый клинический социальный работник. Гендерный фактор выражен в том, что оба ключевых создателя текста — женщины, это может отражать традиционную вовлеченность специалистов женщин в тематику психологии отношений и травмы, но сам текст выдержан в гендерно нейтральном ключе.

Исходный текст является синхронным, так как он создан и обновлён в октябре 2025 г., что делает его актуальным для современного анализа. Это письменный текст, опубликованы в цифровом формате на специализированной платформе. Текст принадлежит к сфере психологического здоровья, находясь на стыке клинической психологии, психотерапии и социальной работы. По функциональному стилю это научно-популярный текст с выраженным чертами публицистического и элементами официально делового стиля. Его жанр можно определить, как информационно просветительскую статью. Жанрово-стилевые особенности текста включают чёткую логическую структуру, последовательно ведущую читателя от определения проблемы через симптомы и причины к практическим решениям и ресурсам помощи. Ключевой характеристикой является баланс между научной строгостью и доступностью изложения для широкой, не специализированной аудиторией. Прагматическая, инструктивная направленность значительной части текста превращает его не только в источник знаний, но и в руководство к действию.

Текст насыщен психологической и клинической лексикой, соответствующей теме травмы и насилия в отношениях. Большинство слов относятся к нейтральному или формальному стилю, но встречаются и эмоционально окрашенные выражения: abusive behavior, emotional, physical, or sexual abuse, psychological and physical effects, trauma-related shame, trauma-related fear or horror.

Данная статья характерна наличием терминов из психиатрии и психологии: post-traumatic relationship syndrome (PTRS), PTSD, DSM-5, intrusive symptoms, avoidance symptoms, hypervigilant. Текст содержит рекомендации и списки: strategies to focus on, building a support system. Приведённые далее слова используются для передачи личного опыта

и усиления эмпатии: feels unhealthy, unsafe, or dangerous, vivid, intrusive thoughts.

Статья «Understanding Relationship Trauma» содержит множество специальных терминов, связанных с травмой и насилием, а также присутствуют медико-психологические термины: PTRS, PTSD, flashbacks, nightmares, avoidance behaviors, stonewalling, love-bombing; anxiolytic drugs, antidepressants.

Публикация богата большим количеством нейтральных терминов, появившихся в психологической практике: love-bombing (эмоциональная манипуляция через демонстрацию любви), trauma bonding (формирование привязанности к абьюзеру).

Текст содержит уникальные культурные реалии, как например организации и горячие линии, действующие в США: National Domestic Violence Hotline, RAINN National Sexual Assault Hotline, SAMHSA National Helpline.

Несмотря на главенствующий научно-популярный стиль, статья содержит эмоционально-экспрессивную лексику, которая в данном контексте используется для передачи тяжести переживаний: vivid, intrusive thoughts, frightening dreams, deep mistrust, hypervigilant, belittling.

Грамматические особенности текста соответствуют научно-популярному стилю и его целевой аудитории, сочетая элементы формального и информационно-разговорного стилей.

Использование в статье сложных и составных существительных, характерных для психологического дискурса: post-traumatic relationship syndrome (PTRS), avoidance symptoms, intrusive thoughts, sleep disturbances, trauma-related shame. Для данного текста характерно использование префиксальных образований для передачи отрицания или состояния: unhealthy, unsafe, unwanted (приставка -un), non-judgmental (приставка -non), hypervigilant (приставка -hyper). В то время как суффиксальные образования, указывающие на процесс или качество: abusive, traumatic, emotional, physical, sexual (-ive, -ic, -al); healing, feeling, bullying, bonding (-ing для образования отлагольных существительных и причастий); hopelessness, sadness, distress (-ness для образования абстрактных существительных).

В данном тексте преобладают простые и сложносочинённые предложения для ясности и понимания: relationship trauma results from abusive

behavior occurring between intimate partners; the trauma can stem from emotional, physical, or sexual abuse and produce long-lasting effects.

Данный текст характерен наличием вводных и пояснительных конструкций, характерных для объясняющего текста: However, it is a proposed syndrome..., In addition, stressful life events..., For example, ...such as flashbacks and recurrent nightmares..., What is known is that...; а также содержит условные и причинно-следственные конструкции: If you decide to disclose..., When signs or symptoms impact..., ...so it's important to keep in mind..., As a result, an individual may be hypervigilant...

Несмотря на научную тему, текст содержит элементы обращения к читателю, что сближает его с разговорным стилем: In the end, you are the best judge..., If you decide to disclose to your partner..., This helps avoid statements that might inadvertently sound like you're being blamed..., ...you can seek support by reaching out..., а также в тексте используются вопросительные заголовки для привлечения внимания читателя: What Is Trauma Bonding?; When to Seek Help? Наличие повторов и параллельных структур используются для того, чтобы усилить ясность и запоминание: Relationship trauma can incite feelings of rage and anger... may experience fear, guilt, shame, disgust, and sadness..., Establishing meaningful relationships may prove complicated... (повтор в нескольких пунктах), Physical, emotional, or sexual abuse (параллизм в перечислении).

Хотя текст в целом ориентирован на фактологичность и ясность, в нём присутствуют изобразительно-выразительные средства, усиливающие воздействие и способствующие лучшему пониманию и сопереживанию.

Текст насыщен специальными терминами, но они часто сопровождаются пояснениями, для точного понимания читателя, что характерно для научно-популярного стиля: «Post-traumatic relationship syndrome (PTRS)» (термин) «is not an official diagnosis... However, it is a proposed syndrome that would fit under the umbrella of post-traumatic stress disorder (PTSD)» (пояснение).

В тексте используется эмоционально-оценочная лексика для передачи тяжести переживаний, т.е рядом с нейтральными терминами используются слова с негативным смыслом, чтобы

передать психологическое состояние жертвы: «incite feelings of rage and anger», «experience fear, guilt, shame, disgust, and sadness», «incredibly distressing», «frightening or disturbing dreams». Эта лексика выполняет не только описательную, но и экспрессивную функцию.

Статья содержит такие стилистические приемы как анафора (повтор слова или группы слов в начале смежных отрезков речи): «Establishing meaningful relationships may prove complicated...» - эта фраза повторяется в описании разных симптомов (чувства вины и проблем с доверием), градация (последовательное нарастание или убывание значимости): «impact your mental, emotional, and physical well-being» — перечисление расширяется от внутреннего мира к телесному, риторические вопросы используются как заголовки для привлечения внимания и вовлечения читателя в активное размышление: «What Is Trauma Bonding?» - вопрос структурирует текст и фокусирует внимание на ключевом понятии, инверсия используется для выделения важной мысли: «What is known is that PTRS differs from PTSD...» (вынесение ключевой информации в начало с помощью конструкции «What is known is that...»).

Хотя текст не является художественным, для образности и усиления воздействия, в нем используются такие тропы как метафора (перенесение свойств одного предмета или явления на другой на основании сходства): «fit under the umbrella of post-traumatic stress disorder (PTSD)», «perpetuate the cycle of abuse» - абьюз метафорически изображается как замкнутый круг, из которого трудно вырваться, «cultivating an environment» - создание безопасности метафорически сравнивается с выращиванием растения, эпитеты (образные определения, передающие отношение автора и создающие эмоциональную окраску): «vivid, intrusive thoughts, long-lasting psychological effects, persistent fear», сравнение: «cause a person to feel as if they are reliving an event» - описывается сила флешбэков через сравнение с реальным переживанием, антитеза (сопоставление противоположных понятий для выявления различий): «driven by trauma-related shame as opposed to trauma-related fear or horror».

Данная статья насыщена прагматическими и риторическими приемами, такими как прямое обращение к читателю и использование местоимений.

мения «ую», что создает эффект доверительной беседы: «you are the best judge», «If you decide to disclose to your partner».

Когнитивная функция — это первичная и базовая цель текста. Автор ставит задачу посветить читателя в малоизвестные, но социально значимые вещи. Текст начинает с четкого определения: «Relationship trauma results from abusive behavior occurring between intimate partners». Раздел «Signs of Relationship Trauma» представляет собой структурированный список с пояснениями («Flashbacks», «Feelings of fear or distress», «Guilt and shame»). Раздел «Why It Happens» отвечает на ключевой вопрос «почему?», разрушая миф о случайности насилия и объясняя привязанность жертвы к агрессору через термин «trauma bonding». В разделе «Additional Support» приводятся точные номера телефонов и названия организаций (National Domestic Violence Hotline, RAINN).

Эмоционально-поддерживающая и конативная функция — это ключевая pragматическая задача текста. Информация служит основой для оказания психологической поддержки: фразы «The traumatized person may experience fear, guilt, shame, disgust, and sadness» или «Establishing meaningful relationships may prove complicated» напрямую обращаются к читателю с посыпом: «То, что вы чувствуете, — нормальная реакция на ненормальные обстоятельства». Это снижает чувство вины. Фраза «In the end, you are the best judge of when it feels healthy to share your history of trauma» возвращает читателю право принимать решения, которое у него отняли в абьюзивных отношениях. А также использование модальных глаголов «may», «can» создает атмосферу выбора и снижает давление.

Постпереводческий анализ

Переводчику важно учитывать специфичность требований заказчика перевода. Предполагаемый заказчик (например, редакция психологического портала или издательство научно-популярной литературы) может предъявлять следующие требования: перевод должен безошибочно передавать точность терминологии в сфере психологии (PTRS, PTSD, травматическая связь, газлайтинг) с учетом их устоявшихся значений в русскоязычной профессиональной среде: «post-traumatic relationship syndrome (PTRS)» — в данном контексте необходимо использовать кальку «посттравматический

синдром отношений» с пояснением или описательный перевод. При переводе важно учитывать культурные реалии страны: контактные данные американских горячих линий (National Domestic Violence Hotline, RAINN) в переводе, ориентированном на русскоязычную аудиторию, должны быть либо заменены на характерные источники в РФ (телефоны доверия, 112). Потенциальным адресатом является широкая, но специфическая аудитория с разным уровнем знаний и образованием, объединенная общим интересом или вовлеченностью в тему. Основной целевой аудиторией являются обычные люди, лично затронутые проблемой, с личным травматическим опытом, возможно высокое эмоциональное напряжение. Перевод требует максимальной ясности, доступности. Сложные термины должны сопровождаться пояснениями, как в оригинале: «hypervigilant» — «состояние повышенной настороженности (гипервигильность)». Также целевой аудиторией являются неспециалисты, интересующиеся темой (родственники, друзья, социальные работники без психологического образования) имея цель изучить, понять, чтобы поддержать. Перевод должен обеспечить не только понимание симптомов, но и практические рекомендации по коммуникации (раздел «If you decide to disclose to your partner...»). Данная статья будет интересна специалистам (психологи, коучи, врачи общей практики), для того, чтобы получить новые знания и быстро понять структурированную информацию о данном синдроме. Предложенный перевод требует высокую терминологическую точность, четкое разграничение установленного диагноза (PTSD) и обсуждаемого синдрома (PTRS).

Для заголовка, определения терминов требуется эквивалентный и точный перевод т.к здесь требуется максимальная точность и соответствие профессиональным стандартам. Заголовок «Understanding Relationship Trauma» - «Понимание травмы отношений» или «Что такое травма отношений: понимание и исцеление». Это эквивалентная передача сути с небольшой адаптацией для лучшего восприятия. Post-traumatic relationship syndrome (PTRS) - «Посттравматический синдром отношений (ПТСО)» используется калькирование, что является стандартной практикой для введения нового термина. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders (DSM-5) - «Диагностическое и статистическое руководство по психическим рас-

стройствам (DSM-5)» это точный перевод устоявшегося названия.

Для разделов, объясняющих механизмы и дающих рекомендации нужен адекватный перевод. Главная цель — передать поддержку, создание чувства безопасности. Строгую формальную точность можно заменить на более естественными для русского языка конструкциями: «you are the best judge of when it feels healthy to share...». Дословно — «Вы — лучший судья того, когда будет здорово поделиться...» — смысла нет. Адекватно — «В конечном счете, только вы можете почувствовать, когда будет правильно рассказать о своей травме...» сохранен смысл.

В переводе, адаптация важна для понятия культурно-специфических элементов, той или иной страны. Контактные данные должны быть правильными, чтобы предоставить реальную помощь. Их механический перевод бесполезен для реципиента в России. «National Domestic Violence Hotline at 1-800-799-7233...». Неадекватный перевод — «Национальная горячая линия по вопросам домашнего насилия: 1-800-799-7233». В адаптации стоит заменить на: «Всероссийский телефон доверия для женщин, пострадавших от домашнего насилия: 8-800-7000-600» и добавить пометку «В России».

Перевод данной статьи представляет собой сложную задачу, требующую интеграции различных переводческих моделей. Это обусловлено тем, что текст одновременно охватывает медицинскую, психологическую и социальную сферы, а его главная цель — поддержка людей. Семантический перевод лежит в основе, так как главным является передать смысл, а не построчно копировать оригинал. Это позволяет сделать текст понятным для обычного читателя, избегая неестественных конструкций. Психолингвистическая модель важна при работе с эмоционально-насыщенным материалом, где важно передать не только слова, но и чувства, такие как страх, стыд и вина. Дискурсивная модель сохраняет логическую последовательность изложения от вводных понятий до практических рекомендаций, что необходимо для полного понимания информации. Социолингвокультурологическая модель необходима для культурной адаптации, например, при работе с зарубежными контактными данными, которые требуют пояснений или замены на местные аналоги. Коммуникативная модель

определяет стиль и тон перевода. Поскольку цель статьи — поддержка и направление к помощи, перевод должен быть спокойным.

В переводе статьи «Understanding Relationship Trauma» целесообразно использовать комбинацию динамической эквивалентности по Ю.Найду и нескольких уровней эквивалентности по Комиссарову. Поскольку текст относится к научно-популярной психологии и призван не только информировать, но и вызывать эмоциональный отклик, динамическая эквивалентность становится приоритетной. Главная задача переводчика — добиться у читателя перевода той же реакции, что и у читателя оригинала: чувства понимания, поддержки и безопасности. Аналогично, при передаче идеи о безопасной среде терапии, акцент делается на поддерживающей функции: «Терапия может стать безопасным местом, где человек учится справляться с тревогой и страхами», даже если формальная структура предложения изменена.

Формальная эквивалентность применяется только в узкой области медицинской терминологии (например, «посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР)»), где точность значения крайне важна. В рамках теории Комиссарова, перевод ориентирован на достижение цели коммуникации (информирование и побуждение к действию), а также на эквивалентность ситуации и сообщения, как видно на примере передачи логики психологического объяснения в предложении об избегании: «Избегание усиливает симптомы, так как у человека закрепляется ощущение, будто даже мысли о травме могут причинить вред». Тем самым, перевод статьи успешно сочетает динамическую эквивалентность с функциональными уровнями эквивалентности по Комиссарову, где формальная эквивалентность играет вспомогательную роль.

При переводе статьи «Understanding Relationship Trauma» на русский язык используются разнообразные приёмы для достижения точности и естественности текста. Кроме стандартных переводческих трансформаций, таких как лексические замены (например, передача «abusive behavior» как «насилие», «жестокое обращение» или «абьюзивное поведение» в зависимости от контекста) и развертывание значений (trauma-related shame как «стыд, связанный с травмой»), применяются и более специфические методы. Грамматические перестройки и перефразирование помогают адаптировать син-

таксис под русский язык, сохраняя логику (пример с «*Avoidance behaviors*». К уникальным подходам относятся компенсация и модуляция эмоционального оттенка для усиления психологического воздействия (пример с *rage and anger*). Также используется объяснительное развёртывание терминов, например, «газлайтинг — форма манипуляции...», чтобы передать культурный и психологический контекст. Прагматическая адаптация играет важную роль: устраняются культурные пробелы (например, пояснение американских горячих линий и добавление локальных аналогов) и корректировка стиля и тона текста, чтобы он оставался поддерживающим (пример с *safe environment*). Для того чтобы статья «*Understanding Relationship Trauma*» была понятна и естественна для русскоязычной аудитории, переводчики прибегают к широкому спектру приёмов. Среди них как общепринятые методы, так и более тонкие стратегии. К типичным трансформациям относятся лексические замены: английские термины, особенно абстрактные или узкоспециализированные, заменяются на более понятные русскоязычному читателю слова. Например, *abusive behavior* может быть переведено как «насилие», «жестокое обращение» или «абьюзивное поведение», в зависимости от контекста, что позволяет сохранить как смысл, так и эмоциональную окраску. Развёртывание значения (*explication*): Скрытые смыслы делаются явными. Так, *trauma-related shame* переводится как «стыд, связанный с травмой». Грамматическая перестройка и перефразирование: Синтаксис адаптируется под русский язык с сохранением логики и причинно-следственных связей, как в примере с «*Avoidance behaviors*». Уникальные трансформации направлены на более глубокую передачу психологического воздействия оригинала: компенсация и модуляция эмоционального оттенка. Для усиления эмоционального воздействия, например, *rage and anger* передается более экспрессивно. Объяснительное развёртывание терминов: культурно-специфические понятия, такие как *gaslighting*, сопровождаются пояснениями, раскрывающими их суть и контекст. Прагматическая адаптация обеспечивает релевантность текста для предполагаемых читателей в виде элиминации культурных лакун: информация, специфичная для американского контекста (например, номера горячих линий), поясняется или дополняется местными аналогами. Модуляция стиля

и тона: текст сохраняет поддерживающий характер, как можно заметить из перевода фразы о терапии. В процессе перевода статьи «*Understanding Relationship Trauma*» использовался широкий комплекс источников и справочных материалов, который обеспечивает не только точность передачи специализированных медицинских и психологических терминов, но и сохранение эмоционального и положительного воздействия текста на читателя. Для решения лексико-терминологических задач активно применялись авторитетные англо-русские словари и справочники, включая «Словарь медицинских терминов» под редакцией В. А. Тимофеева и «Психологический англо-русский словарь» И. И. Левина. Эти источники обеспечили корректную передачу терминов PTSD, PTRS, anxiolytic drugs, antidepressants, а также специализированных психологических выражений, таких как «*trauma-related shame*», «*gaslighting*», «*Love-bombing*», «*emotionally isolating a partner*». Использование таких справочников позволило сохранить точность научного содержания статьи, избегая как упрощения, так и чрезмерной академизации, что особенно важно для жанра научно-популярного текста, который рассчитан на широкую аудиторию. Для уточнения контекста и проверки естественности перевода были применены электронные терминологические базы и ресурсы удалённого доступа. Так, Multitran ([\[https://www.multitran.com\]](https://www.multitran.com)) использовался для поиска вариантов перевода сложных словосочетаний и идиом, а APA Dictionary of Psychology ([\[https://dictionary.apa.org\]](https://dictionary.apa.org)) обеспечивал точное понимание психологических терминов и их клинических оттенков.

Особое внимание уделялось прагматической адаптации текста, включая процесс устранения культурных различий и пробелов между разным группами людей и локализацию информации. В разделе «Additional Support», где в оригинале указаны номера американских горячих линий, переводчик пояснял о географической принадлежности этих ресурсов и, при необходимости, предлагал аналогичные русскоязычные источники поддержки. Это позволило сохранить информативность и практическую полезность текста для читателя, избегая тех ситуаций, где переведённый материал становится неполезным из-за культурной несоответственности. Аналогично, эмоционально окрашенные выражения, такие как «*rage and anger*» или «*fear, guilt*,

«shame», подвергались модуляции и экспликации, чтобы читатель воспринимал их не как абстрактные психологические термины, а как реальные переживания, с которыми можно сопереживать и на которые можно реагировать. Например, «Therapy can be a safe environment for individuals to learn coping skills» переводилось как «Терапия может стать безопасным пространством, где человек учитсяправляться с тревогой, страхами внутренним напряжением», что сохраняло эмоциональное воздействие и жанровую направленность текста. Кроме словарных и электронных ресурсов, возникла необходимость консультации специалистов, особенно при передаче психологической терминологии и понятий, не имеющих точного аналога в русском языке, таких как «trauma bonding», «gaslighting», «love-bombing». Консультации психологов и психотерапевтов позволяли уточнить, какой оттенок значения и эмоциональной окраски следует передавать в переводе, а также корректно адаптировать рекомендации и инструкции из разделов «How to Heal From Relationship Trauma» и «Additional Support», чтобы они были разборчивыми и безопасными для русскоязычного читателя.

На основании анализа статьи «Understanding Relationship Trauma» можно сделать ряд практических выводов и рекомендаций.

Во-первых, ключевым выводом является необходимость сохранения динамической эквивалентности, так как текст ориентирован на широкий круг читателей и направлен не только на передачу информации, но и на эмоциональную и психологическую поддержку пострадавших.

Во-вторых, важно использовать комбинированные уровни эквивалентности по Комиссарову, чтобы сохранить цель коммуникации, ситуацию и сообщение.

Третьим практическим выводом является необходимость применения типичных и уникальных переводческих трансформаций, включая лексическую замену, развёртывание значения, модуляцию эмоционального оттенка, грамматическую перестройку, экспликацию и прагматическую адаптацию. Примеры из текста включают «trauma-related shame — стыд, связанный с травмой», «gaslighting — форма манипуляции, при которой человека заставляют сомневаться в собственной адекватности», а также «Therapy can be a safe environment for individuals to learn coping skills — Терапия может стать безопасным пространством, где человек учитсяправляться с тревогой, страхом и внутренним напряжением». Эти приёмы передают адекватный смысл текста, эмоциональную окраску и жанровую направленность текста.

Четвертый практический вывод связан с необходимостью консультации специалистов, особенно при передаче психологических понятий и рекомендаций, чтобы избежать искажения смысла и сохранить психологическую достоверность. Консультации позволяют уточнять значения терминов, эмоциональные оттенки и правильность передачи инструкций по терапии и поддержке. Соблюдение этих принципов обеспечивает высокую адекватность перевода, его информационную ценность и положительный эффект на читателя.

Литература

1. «Understanding Relationship Trauma», Geralyn Dexter [<https://www.verywellhealth.com/relationship-trauma-5211576>]
2. Multitran [<https://www.multitran.com>] (<https://www.multitran.com>)
3. APA Dictionary of Psychology [<https://dictionary.apa.org>] (<https://dictionary.apa.org>)

Спортивные знаковые системы (фехтование)

Нефедова Софья Михайловна

МГУ им. Ломоносова, Москва, Россия

Студент

E-mail: nefedova.sonya.m@yandex.ru

Аннотация: в статье рассматривается фехтование как сложная многоуровневая знаковая система, анализируемая в рамках семиотики — науки о знаках и их функционировании. Автор исследует специфику спорта как семиотического объекта, выделяя дискурсивную природу фехтовального поединка, который представляет собой структурированный диалог между спортсменами, судьями и техническими средствами. В работе последовательно разбираются три основные подсистемы знаковой системы фехтования: верификационная (язык правил и жестов судей), технико-тактическая (знаки атаки, защиты, финтов) и материально-экипированная (оружие, форма, электронная система). Особое внимание уделяется динамике знаков в поединке, включая анализ индивидуального стиля (идиолекта) фехтовальщика и роли неверbalной коммуникации. Делается вывод о том, что успех в фехтовании определяется в первую очередь семиотической компетентностью — способностью эффективно создавать, интерпретировать и манипулировать знаками в условиях высокоскоростного интеллектуального диалога.

Ключевые слова: семиотика, знаковая система, фехтование, знак, код, коммуникация, тактика, невербальная коммуникация, идиолект, верификация, экипировка, финт, правила фехтования. Фехтование — это не просто спортивное состязание на скорость и ловкость. Это сложнейший диалог, происходящий на кончиках рапира, сабель и шпаг. Этот диалог, длиющийся считанные секунды, представляет собой целостную и многослойную знаковую систему, которая может быть глубоко и продуктивно проанализирована с позиций семиотики — науки о знаках, знаковых системах и процессах знакообмена.

Актуальность темы обусловлена растущим интересом к семиотическому анализу различных культурных практик, среди которых спорт занимает одно из ключевых мест. Фехтование, с его строгими правилами, богатой историей и ярко выраженной символической составляющей, является идеальным объектом для такого исследования. Понимание его как знаковой системы позволяет не только глубже

постижь эстетику и логику этого вида спорта, но и оптимизировать процессы обучения, судейства и тактической подготовки спортсменов.

Целью данной статьи является комплексный семиотический анализ фехтования как специфической знаковой системы.

Объект исследования — фехтование как вид спортивной деятельности.

Предмет исследования — знаковые системы, функционирующие в процессе фехтовального поединка.

1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СЕМИОТИКИ СПОРТА

1.1. Семиотика как наука о знаках и знаковых системах

Семиотика, основанная на работах Чарльза Сандерса Пирса, Фердинанда де Соссюра и Чарльза Морриса, изучает свойства знаков и их комплексов. Ключевыми для моего анализа являются понятия **знака, знаковой системы и кода**.

Знак — это материальный объект, событие или действие, выступающее в качестве представителя другого объекта, свойства или отношения. В классической триаде Пирса знак состоит из:

- **Знак** (репрезентамен) — форма, которую принимает знак. Может быть материальным (вещь, класс вещей), мыслимым или воображаемым.
- **Объект** — то, что знак «репрезентирует». Может быть заранее известен интерпретатору.
- **Интерпретанта** — результат действия знака, «нечто, что производится в сознании интерпретатора». Значение знака проявляется в интерпретации, которую он порождает у пользователей

Знаковая система — это упорядоченная совокупность знаков, обладающая внутренней структурой и правилами комбинации. Фехтование целиком представляет собой такую систему.

Код — это система правил, преобразующих одно множество элементов (например, действия бойцов) в другое (судейские жесты, загорающиеся лампы). Без знания кода сообщение фехтовального поединка невозможно декодировать и понять.

1.2. Специфика спорта как семиотического объекта

Спорт в целом можно рассматривать как гигантскую семиотическую вселенную, состоящую из множества подсистем. Каждый вид спорта создает свой уникальный «язык». Фехтование в этом ряду выделяется своей **дискурсивностью**. Поединок — это не хаотичная драка, а структурированный **диалог** или даже **полилог**, в котором участвуют:

- Два спортсмена (их оружие и тела как средства производства знаков).
- Главный судья (арбитр), чьи вербальные команды и жесты являются мета-знаками, интерпретирующими и санкционирующими действия бойцов.
- Электронная система регистрации уков (объективный, лишенный человеческого фактора знак).
- Зрители, декодирующие происходящее через призму своего понимания «кода».

Таким образом можно сказать, что фехтовальный бой — это коммуникативный акт, протекающий в реальном времени, где успех напрямую зависит от скорости и точности создания, передачи и интерпретации знаков.

2. МНОГОУРОВНЕВАЯ ЗНАКОВАЯ СИСТЕМА ФЕХТОВАНИЯ

Знаковая система фехтования является многоуровневой и включает в себя несколько взаимосвязанных подсистем.

2.1. Верификационная система: язык правил и жестов судей

Это наиболее формализованный и однозначный уровень. Его главная функция — верификация, то есть подтверждение и интерпретация значимости действий спортсменов. Данная система состоит из:

- **Вербальных команд**. Фразы на французском языке, являющимся официальным языком международного фехтования: «En garde!» («К бою!»), «Prêts?» («Готовы?»), «Allez!» («Начинайте!»), «Halte!» («Стой!»). Эти команды структурируют время поединка, являются знаками-триггерами, запускающими и останавливающими действие.
- **Жестов судьи**. Это богатый язык телодвижений, который дублирует и конкретизирует вербальные решения. Каждый жест — это знак с четко зафиксированным значением в рамках кода (правил):
- **Поднятая рука с определенным количеством пальцев** — присвоение очка тому или иному фехтовальщику.
- **Желтая, красная, черная карточки** — знаки-символы, обозначающие предупреждение, штрафной укол и дисквалификацию соответственно.

Эта система является **метаязыком** по отношению к самому поединку, она описывает и оценивает действия, происходящие в его рамках.

2.2. Технико-тактическая система: знаки атаки, защиты и контратаки

Это ядро семиозиса фехтования. Все технические действия фехтовальщиков являются знаками, которые должны быть «прочитаны» противником и судьей. Однако их интерпретация часто бывает неоднозначной и составляет главную тактическую интригу.

- Атака — комплексный знак, состоящий из выпада, движения оружия и перемещения тела. Это иллютивный акт, направленный на достижение цели (нанесение укола). Но атака может быть истинной или ложной (финг).
- Финг — это **знак-приманка, ложный знак**. Его цель — вызвать у противника определенную реакцию (защиту), которая откроет ему реальную цель для атаки. Семиотическая задача фехтовальщика — сделать финг максимально похожим на истинную атаку, то есть повысить его **план содержания**, чтобы **план выражения** (небольшое, контролируемое движение) был успешно замаскирован.
- Защита (**парирование**) — это ответный знак на атаку. Успешное парирование является знаком, «отменяющим» атаку и передающим **право атаки** (атаку в ответ) защищающемуся.
- Контратака — знак, который вступает в семиотическое противоречие с атакующим действием. Его правильная интерпретация судьей зависит от тонких нюансов **приоритета (тактического права)**. Например, в рапире и шпаге контратака без отбива оружия противника при его атаке будет засчитана только в случае опоздания атаки. Таким образом, одно и то же физическое действие (укол) может быть интерпретировано как победное или проигрышное в зависимости от контекста — предыдущей последовательности знаков.

Эта система является полем для тактической борьбы, где побеждает тот, кто лучше создает двусмысленные знаки и точнее декодирует знаки противника.

2.3. Экипировка как семиотический комплекс

Экипировка фехтовальщика является не только средство защиты, но и сложным семиотическим комплексом.

- **Оружие.** Различные виды оружия (рапира, шпага, сабля) задают разные **коды** поединка. Например, в шпаге почти все тело является поражаемой поверхностью, и действует правило одновременности уколов. Это создает один тип семиотического взаимодействия, более статичный и основанный на выжидании ошибки. В сабле, где разрешены не только уколы, но и удары, и есть сложные правила атаки и защиты, код становится динамичнее и сложнее.
- **Электронная система.** Цветные лампы на аппарате — это ключевые **индексальные знаки**, непосредственно указывающие на факт нанесения укола. Зеленый/красный свет — знак, приписывающий действие тому или иному фехтовальщику. Белый свет (в рапире и сабле) — знак недействительного укола. Эта система объективирует процесс, делая его менее зависимым от человеческого восприятия.
- **Форма (костюм, маска).** Мaska выполняет не только защитную, но и семиотическую функцию: она **деперсонифицирует** спортсмена, скрывая мимику, что делает невербальную коммуникацию более сложной и сосредоточенной на языке тела. При этом сама маска, цвет формы, фамилия и флаг страны на спине являются **знаками-идентификаторами**, связывающими спортсмена с его клубом,нацией, личным брендом.

3. ДИНАМИКА ЗНАКОВ В ПОЕДИНКЕ: ОТ ИНДИВИДУАЛЬНОГО КОДА К ОБЩЕМУ СМЫСЛУ

3.1. Индивидуальный «почерк» фехтовальщика как идиолект

Если правила и жесты судьи — это общий язык (литературная норма), то манера ведения боя каждого спортсмена — это его идиолект, индивидуальный стиль речи. Опытный фехтовальщик в начале боя старается быстро «прочитать» этот идиолект противника:

- Какими фингами он пользуется?

- Как реагирует на давление?
- Предсказуемы ли его атаки?
- Есть ли у него «любимые», повторяющиеся комбинации действий?

На основе этого анализа выстраивается контр-стратегия. Поединок — это не только обмен ударами, но и процесс взаимного изучения и взлома индивидуальных кодов противника. Тот, кто быстрее декодирует идиолект оппонента и сможет замаскировать свой собственный, получает решающее преимущество.

3.2. Невербальная коммуникация и психологическое воздействие

Несмотря на маску, тело остается мощным инструментом невербальной коммуникации.

- **Поза и стойка:** уверенная, агрессивная стойка может быть знаком доминирования, предназначенным для психологического давления. Напротив, нарочито расслабленная поза может быть знаком-provokацией, приглашением к атаке.
- **Темп и ритм:** резкая смена темпа движения является мощным знаком. Внезапное ускорение — знак начала решительной атаки. Замедление — знак перехода к выжидательной тактике, подготовки ловушки.
- **Крики, топанье ногой.** Эти звуки и жесты, не несущие прямого тактического смысла, являются **эмотивными знаками**. Они могут служить для самонастройки, выплеска эмоций, а также для устрашения противника, сбивания его с концентрации.

Литература

1. Лотман, Ю.М. Семиосфера. — СПб.: Искусство-СПБ, 2000. — 704 с.
2. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики. — М.: Либроком, 2009. — 256 с.
3. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. — СПб.: Symposium, 2006. — 544 с.
4. Пирс, Ч.С. Избранные философские произведения. — М.: Логос, 2000. — 448 с.
5. Международные правила ФИЕ (FIE) по фехтованию. — Режим доступа: [официальный сайт Международной федерации фехтования].
6. Тышлер, Д.А., Тышлер, Г.Д. Фехтование: учебник для вузов физической культуры. — М.: Физическая культура, 2006. — 464 с.
7. Якобсон, Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». — М.: Прогресс, 1975. — С. 193-230.

Заключение

Проведенный семиотический анализ позволяет сделать следующий вывод: фехтование представляет собой сложную, многоуровневую и динамическую знаковую систему. Она интегрирует в себе несколько взаимосвязанных подсистем:

1. **Верификационно-судейскую**, основанную на строгом коде правил и жестов, которая выполняет функцию метаязыка.
2. **Технико-тактическую**, составляющую суть поединка, где каждое действие является знаком в непрерывном диалоге, полном истинных и ложных сообщений (финтов).
3. **Материально-экипировочную**, где оружие, форма и электроника выступают как знаки-идентификаторы и знаки-индексы, объективирующие результат.

Поединок в фехтовании — это высочайшая форма невербальной интеллектуальной коммуникации, где победа достигается не столько физическим превосходством, сколько семиотической компетентностью: способностью быстрее и точнее создавать, посылать, скрывать, считывать и интерпретировать знаки. Тактический гений фехтовальщика проявляется в его умении оперировать знаками, манипулируя восприятием противника, предугадывая его интерпретации и навязывая ему свой собственный «код».

Изучение фехтования через призму семиотики открывает новые горизонты для понимания его как культурного феномена, а также имеет сугубо практическое значение для подготовки спортсменов, которые, осознав коммуникативную природу поединка, могут вывести свою тактику на качественно новый уровень.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Правовые основы деятельности Следственного комитета Российской Федерации в условиях мобилизации

Баландин Александр Алексеевич

ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия, курсант
E-mail: resus1206@gmail.com

Лыков Игорь Сергеевич

ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского»
Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия
Кандидат политических наук, старший преподаватель

Полковник юстиции
E-mail: i@Lykoff.ru

Аннотация: в условиях современных вызовов, связанных с обеспечением национальной безопасности, особое значение приобретает эффективное функционирование органов, осуществляющих уголовное преследование. Одним из ключевых субъектов в данной сфере является Следственный комитет Российской Федерации (далее — СК России, Следственный комитет). Введение в стране режима частичной мобилизации, а также активизация военных и специальных мероприятий выявили необходимость адаптации деятельности Следственного комитета к особым условиям правового режима. В этой связи существенно возрастает значимость правового и организационного анализа функционирования данного органа в условиях мобилизации, а также необходимость своевременного реагирования на нарушения законодательства о мобилизации, обеспечения законности и правопорядка в особый период, усилением роли Следственного комитета в предупреждении и расследовании преступлений, угрожающих обороноспособности государства. Вопросы нормативной регламентации, межведомственного взаимодействия и реализации полномочий Следственного комитета в условиях мобилизационного правопорядка требуют научного осмысления и правового совершенствования по причине того, что действующее законодательство, на наш взгляд, недостаточно детализировано регулирует деятельность Следственного комитета в условиях мобилизации. На практике возникают сложности, связанные с подследственностью, спецификой доказывания, а также координацией с другими органами, в том числе с военными структурами. Кроме того, отсутствует комплексный научный анализ следственной работы в условиях особых правовых режимов, что снижает эффективность правоприменения.

Ключевые слова: Следственный комитет Российской Федерации; СКР, Следком России; специальная военная операция; СВО; частичная мобилизация; режим мобилизации; уголовный закон; уголовно-процессуальный закон; правоохранительные органы.

Мобилизация как элемент государственной политики в условиях угрозы национальной безопасности предполагает не только военную и экономическую подготовку, но и особую организацию правоохранительной деятельности, включая уголовное судопроизводство. В этой связи формируется особый режим правового регулирования, направленный на обеспечение законности и правопорядка в условиях мобилизационного периода. СК России, осуществляя предварительное следствие по уголовным делам, связанным с нарушением законодательства о мобилизации и иными преступлениями, затрагивающими сферу обороны, реализует свою деятельность в рамках специально адаптированной нормативной правовой базы [7, с. 234].

Правовое регулирование мобилизационной деятельности в уголовно-правовой и уголовно-процессуальной сфере основывается на совокупности нормативных актов, включающих положения Конституции Российской Федерации, федеральных законов, указов Президента Российской Федерации, нормативных актов Следственного комитета, а также подзаконных актов иных федеральных органов исполнительной власти.

Конституция Российской Федерации закрепляет основы введения военного положения и мобилизации, предоставляя Президенту Российской Федерации полномочия по принятию соответствующих решений в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии [1, ст.ст. 87, 88]. Данные положения образуют конституционную основу для введения мобилизационного правопорядка и функционирования правоохранительных органов в особый период.

Ключевым федеральным законом, регулирующим мобилизационную деятельность в целом, является **Федеральный закон от 26 февраля 1997 года № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации»**. В соответствии со статьёй 1 указанного закона, мобилизационная подготовка охватывает не только экономику и оборону, но и деятельность органов государственной власти, в том числе правоохранительных органов [5, ст. 1]. Статья 10 закона обязывает все органы государственной власти, включая СК России, обеспечить готовность к действиям в условиях мобилизации [5, ст. 10]. Однако данный закон носит преимущественно организаци-

онно-административный характер и не содержит специальных норм, регламентирующих проведение предварительного следствия.

Что касается регулирования уголовного судопроизводства, в условиях мобилизации сохраняет силу **Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации** (далее — УПК РФ). При этом он не содержит главы или норм, прямо посвящённых особенностям процессуальной деятельности в условиях мобилизации или военного положения. Вместе с тем отдельные положения законодательства позволяют осуществлять адаптацию уголовного процесса к требованиям особого периода. Так, в соответствии с частью 2 статьи 161 УПК РФ допускается ограничение разглашения данных предварительного расследования, что может приобретать особую значимость при расследовании дел, связанных с мобилизацией и военной тайной [2, ст. 161].

Отдельного внимания заслуживает **Федеральный закон от 28 декабря 2010 года № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации»**, который определяет правовой статус и полномочия данного органа. В соответствии с частью 1 статьи 1 закона, Следственный комитет является федеральным государственным органом, осуществляющим полномочия в сфере уголовного судопроизводства [4, ст. 1]. При этом в рамках правового режима мобилизации функции Следственного комитета могут быть расширены за счёт специальных актов Президента Российской Федерации или постановлений Правительства Российской Федерации, как это было в условиях частичной мобилизации в 2022 году. Несмотря на отсутствие прямых норм в законе о специфике деятельности комитета в мобилизационный период, на практике применяются специальные указания руководства СК России, приказы Председателя Следственного комитета, регламентирующие адаптацию следственной работы к условиям особого периода.

Одним из важных источников является **Указ Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 года № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации»**, которым были введены конкретные меры по обеспечению мобилизации [6]. Данный указ оказал прямое воздействие на деятельность правоохранительных органов, включая Следственный комитет, так как спровоцировал рост числа преступлений, связанных

ных с уклонением от мобилизации, нарушением требований воинского учёта, самовольным оставлением частей, нарушением дисциплины и прочих деяний, требующих уголовно-правовой оценки.

Дополнительное значение приобретают **подзаконные акты**, в частности приказы Следственного комитета, регламентирующие внутренние аспекты следственной деятельности, в том числе в условиях особого периода. К примеру, внутренние инструкции и методические рекомендации, издаваемые аппаратом СК России, устанавливают особенности документирования, взаимодействия с военными органами, а также приоритетность дел, связанных с мобилизационным законодательством.

Также следует отметить, что **уголовное и административное законодательство** подверглось ряду изменений в связи с мобилизацией. Так, в сентябре 2022 года в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) были внесены поправки, усилившие ответственность за преступления, совершенные в условиях мобилизации, военного положения или военных действий. Появились квалифицирующие признаки для ряда составов, например, статьи 332 УК РФ (неповиновение), статьи 337 УК РФ (самовольное оставление части), а также была введена новая статья 337.1 об уклонении от мобилизации [3].

Таким образом, нормативное правовое регулирование мобилизационной деятельности в сфере уголовного судопроизводства носит комплексный и межотраслевой характер. Оно сочетает в себе общие нормы уголовного и уголовно-процессуального права, положения законодательства о мобилизации, а также специальные подзаконные акты. Вместе с тем отсутствие систематизированного блока норм, прямо регулирующих деятельность Следственного комитета в условиях мобилизации, определяет необходимость дальнейшего совершенствования правовой базы с учётом современных вызовов.

Следственный комитет является центральным федеральным органом государственной власти, наделённым исключительными полномочиями в сфере уголовного судопроизводства. Его деятельность в обычных условиях уже предполагает высокий уровень ответственности и организованности, однако в особый период — к которому, в соответствии с законодательством Российской Федерации, относится мобилизационное время, а такжеperi-

од военного положения или вооружённого конфликта — полномочия данного органа приобретают особое значение [7, с. 268].

Правовой режим деятельности органов государственной власти, включая Следственный комитет, в условиях мобилизации и иных чрезвычайных обстоятельств устанавливается на основании Конституции Российской Федерации, федеральных законов, указов Президента Российской Федерации, а также **внутриведомственных актов**, регулирующих порядок функционирования органов предварительного следствия.

Следственный комитет России действует на основании **Федерального закона от 28 декабря 2010 года № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации»**, в котором закреплены его основные функции и задачи. Согласно статье 1 данного закона, СК России осуществляет предварительное следствие по уголовным делам, отнесённым к его компетенции, а также реализует иные полномочия, направленные на обеспечение законности, правопорядка и защиты прав и свобод граждан [4, ст. 1].

Особый период, наступающий при объявлении мобилизации, требует от органов предварительного расследования, в том числе от Следственного комитета, оперативного реагирования на преступления, угрожающие обороноспособности государства, устойчивости органов государственной власти и безопасности граждан. В этой связи деятельность СК России в мобилизационных условиях носит **усиленно-функциональный и координационный характер**.

Прежде всего, особенность правового режима в указанный период заключается в **расширении следственного реагирования** на новые категории правонарушений. В условиях мобилизации существенно возрастает количество уголовных дел по таким составам, как:

- **Уклонение от прохождения военной службы по мобилизации** (статья 328 УК РФ) [3, ст. 328];
- **Самовольное оставление части или места службы** (статья 337 УК РФ) [3, ст. 337];
- **Дезертирство** (статья 338 УК РФ) [3, ст. 338];
- **Нарушение правил несения боевого дежурства, боевой службы, караульной или гарнизонной службы** (статья 340–343 УК РФ) [3, ст.ст. 340-343];

- **Нарушения, связанные с поставками, воинским учётом, мобилизационной подготовкой предприятий и граждан** (в том числе по новым составам, введённым в УК РФ в 2022–2023 годах).

Расследование указанных преступлений отнесено к **исключительной компетенции СК России** в силу их особой социальной значимости и угрозы военной безопасности государства. Это отражено как в ч. 1 ст. 151 УПК РФ, так и в **ведомственных указаниях Председателя Следственного комитета**, в том числе в рекомендациях по приоритетности рассмотрения дел, связанных с уклонением от мобилизации [2, ст. 151].

Кроме того, в условиях особого периода изменяется **режим межведомственного взаимодействия**. В соответствии с пунктом 4 статьи 12 Федерального закона № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации», СК РФ осуществляет взаимодействие с органами внутренних дел, Федеральной службой безопасности, органами военного управления, прокуратурой и иными государственными структурами [4, ст. 12]. В условиях мобилизации это взаимодействие приобретает **планово-оперативный характер**, что выражается в создании специальных координационных групп, обмене оперативной информацией в ускоренном порядке, участии следователей СК России в оперативно-розыскных мероприятиях, проводимых с участием военной полиции или ФСБ.

Следующая особенность — **применение упрощённых или ускоренных процессуальных форм**, не отменяющих, однако, фундаментальных гарантий прав личности. В условиях массового поступления сообщений о преступлениях, связанных с мобилизацией, допускается концентрация следственных подразделений на отдельных категориях дел, ведение расследований по принципу «расследовательского потока», а также принятие решений в кратчайшие сроки. Это позволяет эффективно использовать ограниченные ресурсы, не снижая при этом уровня процессуальной легитимности [8, с. 217].

Также в особый период может применяться **специальный режим следственной тайны и информационной изоляции**, что вытекает из положений ст. 161 УПК РФ [2, ст. 161]. В связи с этим распространение данных предварительного рас-

следования по делам, имеющим мобилизационную значимость, строго ограничивается и регулируется как федеральным законом, так и ведомственными нормативными актами, в том числе инструкциями по делопроизводству и защите государственной тайны.

Следует особо отметить, что правовой режим деятельности Следственного комитета в период мобилизации может включать **элементы правового исключения**, которые вводятся актами Президента Российской Федерации. Так, в соответствии с **Указом Президента РФ от 21 сентября 2022 года № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации»**, были введены меры по усилению административной и уголовной ответственности за нарушения мобилизационного законодательства [6]. В условиях действия указа следственные подразделения начали систематическое возбуждение дел в отношении граждан, уклоняющихся от мобилизации, а также в отношении должностных лиц, не обеспечивших исполнение мобилизационных предписаний.

Наконец, важным элементом полномочий Следственного комитета в особый период является **контроль за соблюдением прав подозреваемых, обвиняемых и потерпевших в условиях ограниченного правового режима**. Несмотря на особый порядок функционирования правоохранительных структур, основные принципы уголовного процесса — презумпция невиновности, право на защиту, недопустимость принуждения к даче показаний — сохраняют свою юридическую силу и обязательны к исполнению [7, с. 220].

Таким образом, специфика полномочий Следственного комитета в особый период заключается не только в формальном расширении прав, сколько в **трансформации приоритетов, методов и форм осуществления следственной деятельности**, адаптированных к условиям ограниченного правового режима и повышенной угрозы национальной безопасности. Указанные особенности требуют не только высокого уровня профессиональной подготовки следователей, но и устойчивого нормативного механизма, обеспечивающего правовую определённость и защиту прав личности даже в чрезвычайных условиях.

Можно констатировать, что правовое и организационное обеспечение деятельности Следствен-

ного комитета в условиях мобилизации требует комплексного и системного подхода, направленного на совершенствование нормативной базы, улучшение межведомственного взаимодействия, модернизацию материально-технического оснащения и повышение профессионального уровня кадрового состава. Только при условии реализации этих мер возможно обеспечить эффективное, своевременное и законное расследование уголовных дел, связанных с нарушениями законодательства о мобилизации, что будет способствовать укреплению правопорядка и национальной безопасности Рос-

сийской Федерации в период особого правового режима.

Дальнейшие научные исследования рекомендуется направить на детальную разработку специализированных методических рекомендаций и нормативных актов, адаптированных к условиям мобилизации, а также на изучение и адаптацию международного опыта организации следственной работы в условиях чрезвычайных ситуаций и военного времени, что позволит повысить уровень готовности Следственного комитета Российской Федерации к выполнению своих функций в экстремальных ситуациях.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025)
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025)
4. Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «О Следственном комитете Российской Федерации»
5. Федеральный закон от 26.02.1997 № 31-ФЗ (ред. от 23.03.2024) «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации»
6. Указ Президента РФ от 21.09.2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации»
7. Административное право Российской Федерации : учебник / А. В. Мелехин, Т. А. Диканова, И. Б. Кардашова [и др.] ; под ред. А. В. Мелехина. — Москва : Юстиция, 2024. — 615 с.
8. Административное право. Краткий курс. : учебное пособие / А. В. Мелехин, Т. А. Диканова, И. Б. Кардашова [и др.] ; под ред. А. В. Мелехина. — Москва : Юстиция, 2025. — 490 с.

Политико-правовой анализ миграционной ситуации в Российской Федерации

Лыков Игорь Сергеевич

ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского»

Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия

Кандидат политических наук, старший преподаватель

Полковник юстиции

E-mail: i@Lykoff.ru

Попов Аркадий Дмитриевич

ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского»

Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия

Курсант

E-mail: arkadiy.popov7@mail.ru

Аннотация: в работе проведён системный анализ миграционной ситуации в России с учётом правовых, статистических и институциональных факторов. Рассмотрены базовые понятия и статусы (временно пребывающий, временно проживающий, постоянно проживающий, трудящийся-мигрант), показана связка терминов с реальными процедурами учёта и трудоустройства. На массиве данных за 2022–2024 годы выполнен разбор динамики: миграционного сальдо, потоков легализации (гражданство, РВП, ВНЖ), патентного и визового сегментов, криминологических индикаторов и судебных решений о выдворении. Показано, как рост притока при сокращении числа натурализаций повышает требования к учёту и правоприменению.

Ключевые слова: миграционная политика, миграционная ситуация, миграционный кризис, миграция

В российской научной и правовой традиции миграция понимается как совокупность пространственных перемещений людей через административные и государственные границы на постоянной, длительной либо временной основе. Это рабочее определение охватывает внутренние и внешние перемещения, при этом всегда предполагается фиксация двух моментов — выезда из прежнего места жительства и прибытия в новое. В современной России различают иммиграцию как въезд иностранцев и лиц без гражданства для

проживания или работы, и эмиграцию как выезд граждан РФ за пределы страны; в рамках внутренней миграции учитываются перемещения между субъектами федерации и внутри них, включая межрайонные поездки к месту труда и обратно, когда человек проживает в одном населенном пункте, а работает в другом, при регулярном возвращении домой. Практические последствия различных значительны: от способов учета до набора прав и обязанностей, которые возникают у участников перемещений, в том числе у принимающей стороны.

ны и у органов власти, ведущих регистрационные журналы и базы. На рынке труда столичного региона мятниковые поездки формируют заметную часть трафика в будние дни; это подтверждается эмпирическими замерами потоков и временных окон пиковой нагрузки, что отражается и в статистике транспортных операторов, и в обследованиях занятости домохозяйств [13]. В международном аспекте иммиграция в Россию в последние годы меняла структуру отправляющих стран, что в свою очередь влияет на состав занятых по видам экономической деятельности и на требования к языковой и профессиональной подготовке прибывающих [5].

В юридическом языке базовые термины заданы федеральными законами. Иностранный гражданин — это лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и имеющее доказательства принадлежности к гражданству иностранного государства; лицо без гражданства — это человек, не являющийся гражданином РФ и не имеющий доказательств принадлежности к гражданству иного государства. Эти дефиниции являются исходной точкой для разграничения правовых режимов, установленных законом о правовом положении иностранных граждан и законом о миграционном учете, а также для выстраивания процедур въезда, пребывания, проживания, трудовой деятельности и выезда из страны, включая учет прибытия, уведомление об изменении места пребывания и контроль соблюдения сроков [1]. Применительно к времени пребывания выделяются три устойчивых статуса: временно пребывающий, временно проживающий и постоянно проживающий. Временно пребывающий находится в РФ на основании визы или в порядке безвизового въезда и подлежит миграционному учету по месту пребывания в установленные сроки, как правило, через принимающую сторону; временно проживающий — лицо, получившее разрешение на временное проживание, дающее право на проживание в регионе выдачи и допускающее труд без отдельного разрешения; постоянно проживающий — обладатель вида на жительство, который устанавливает более устойчивую связь с государством и расширенный набор прав, включая возможность свободно выбирать место работы без привязки к региону [2]. На практике это различие проявляется, например, в возможности смены работодателя без перео-

формления разрешительных документов, в доступе к ряду социальных услуг и в сроках допустимого отсутствия в стране, нарушение которых влечет за собой прекращение разрешений или аннулирование вида на жительство [1].

Особое место занимает категория трудящихся-мигрантов. В российском праве это иностранные граждане, которые законно находятся на территории РФ и осуществляют трудовую деятельность на основании патента или разрешения на работу, если речь идет о визовых режимах. Патент — документ, позволяющий работать у физических и юридических лиц иностранцу из безвизовой страны при условии уплаты авансовых платежей по налогу на доходы и соблюдения региональных ограничений по профессиям и территориям; разрешение на работу — документ для визовых режимов, выдаваемый в рамках квоты или вне квоты для отдельных категорий. С 2010-х годов выделяется особая подкатегория — высококвалифицированный специалист, для которого установлены повышенные требования к уровню оплаты труда и упрощенные процедуры привлечения и продления статуса; у членов семьи таких специалистов возникают производные права на проживание и работу, что должно привлекать дефицитные кадры в высокотехнологичные отрасли [1]. Экономические исследования показывают, что в регионах, где спрос на низкооплачиваемый труд высок, патентная форма стала нормой, тогда как в сегментах с высокими квалификационными требованиями работодатели прибегают к механизмам, полагающимся на приглашение и оформление разрешений, что влияет на пространственное распределение занятости мигрантов по отраслям и городским зонам [4].

Внутри общей совокупности потоков выделяется нелегальная миграция — пребывание или трудовая деятельность с нарушением правил въезда, выезда, режима пребывания и трудового законодательства. Это широкое понятие охватывает как отсутствие у лица необходимых документов и постановки на учет, так и фиктивные схемы регистрации и трудоустройства. С точки зрения права последствия различны: от административных штрафов и выдворения до запретов на въезд и аннулирования ранее выданных документов, включая разрешения и виды на жительство. Судебная и ведомственная статистика последних лет фик-

сигнат рост числа решений о выдворении и усиление контроля за фиктивной регистрацией; эти меры преследуют двойную цель — снизить теневой сегмент рынка труда и обеспечить прозрачность учета для задач безопасности, при том, что общий объем предоставлений гражданства, разрешений и видов на жительство колеблется под влиянием экономических циклов и изменений в миграционной политике [19]. В публичных сообщениях силовых ведомств и в их правоприменительной практике акцент делается на пресечение посредничества, создающего минимум правовую основу пребывания, что находит отражение и в поправках к административным составам, и в подзаконном регулировании уведомительных процедур принимающих сторон [2].

Понятие «принимающая сторона» важно для понимания механики миграционного учета. Это гражданин РФ, иностранный гражданин или юридическое лицо, предоставляющее иностранцу помещение для проживания, либо принимающее его на работу и, следовательно, обязанное направить уведомление о прибытии в установленный срок и форму. В реальной практике именно на принимающую сторону ложится большая часть формальных действий: подача уведомлений, хранение отрывной части формы, информирование об увольнении работника; нарушение сроков и формы влечет административную ответственность. В крупных городах, куда направлены основные потоки трудовой миграции, институт принимающей стороны распределяет ответственность между собственниками жилья, работодателями и посредниками, что влияет на качество учета и на возможности контроля со стороны государства [2]. Это важно и для временных работников, и для студентов-иностранных, чьи статусы и сроки пребывания требуют своевременного продления документов и своевременной постановки на миграционный учет по новому адресу при смене места жительства или обучения [1].

В теоретическом плане термин «миграционный кризис» употребляется для обозначения сочетания факторов, когда объемы и структура потоков создают напряжение для институтов рынка труда, социальной сферы и системы безопасности. В российской повестке такое состояние связывают с непрозрачностью части каналов въезда и трудоустройства, концентрацией мигрантов в отдельных

агломерациях и секторах, а также с несоответствием навыков прибывающих требованиям работодателей. Социологические исследования фиксируют неодинаковую готовность региональных рынков труда к приему внешних работников: промышленные регионы с устойчивым спросом на рабочие профессии проще интегрируют мигрантов в производственные цепочки, тогда как мегаполисы испытывают нагрузку на жилье и городские сервисы, особенно при расширении сегмента краткосрочных рабочих мест в услугах и строительстве [8]. В то же время, на уровне домашних хозяйств мигрантская занятость может выполнять амортизирующую функцию, закрывая вакансии в низкомаржинальных нишах и слаживая сезонность, что подтверждается полевыми работами в отдельных субъектах федерации [4]. Такое двойственное воздействие требует тонких настроек режима допуска и механизмов ответственности посредников, чтобы минимизировать негативные внешние эффекты и усилить вклад миграции в рост.

Внутренняя миграция отличается от внешней прежде всего правовым режимом и источниками статистики. Для граждан РФ перемещения между регионами не сопровождаются разрешительными процедурами, однако включают регистрацию по месту жительства и месту пребывания, что влияет на доступ к услугам и на планирование бюджетов, поскольку межбюджетные трансферты и расчет нагрузки на инфраструктуру опираются на учет. Исследования длинных рядов показывают, что в 2010-е годы внутрироссийские перемещения характеризовались усилением роли крупнейших агломераций и столичных центров, а также устойчивым оттоком из периферийных районов, что меняет возрастную структуру территорий и перспективы рынка труда на местах [10]. Для статистического анализа важна корректировка показателей с учетом разницы между текущим учетом и данными переписей, поскольку расхождения заметны и зависят от методики сбора информации и качества административных регистров; это подталкивает к созданию полноценного регистра населения, способного связать данные разных ведомств и повысить валидность оценок [17]. В публикациях по демографии неоднократно отмечалось, что без гармонизации административных и обследовательских источников итоговые оценки миграционного прироста и естественного дви-

жения населения могут искажать картину на уровне муниципалитетов, что критично для адресной политики занятости и расселения [18].

Ключевым управленческим документом последних лет выступает Концепция государственной миграционной политики на 2026–2030 годы, которая закрепила ориентиры по регулированию потоков, приоритетам привлечения и условиям интеграции законно находящихся в стране людей. Документ задал цели повышения управляемости миграции, снижения ее нелегальной составляющей и повышения вклада законной трудовой иммиграции в экономику, а также предусмотрел продолжение цифровизации учета и межведомственного обмена данными для повышения эффективности контроля и сервиса [3]. Концептуальная рамка позволила упорядочить инструменты — от квотирования отдельных профессий и регионов до дифференциации режимов для высококвалифицированных специалистов и выпускников российских вузов, а также усилить меры ответственности за фиктивные сделки, связанные с регистрацией и трудоустройством [1]. Пример практического эффекта — упрощенные пути смены статуса у тех, кто получил образование в России и восстановлен работодателями в приоритетных отраслях, что снижает транзакционные издержки для бизнеса и удерживает человеческий капитал [11].

Понятийный аппарат трудовой миграции требует выделения нескольких действующих документов и процедур. Разрешение на временное проживание оформляется как штамп в документе, удостоверяющем личность, и выдается на ограниченный срок, чаще всего до трех лет; вид на жительство оформляется как отдельная карточка и подтверждает право постоянного проживания, включая право свободно выезжать и возвращаться с соблюдением установленных ограничений по срокам отсутствия. Для осуществления трудовой деятельности в безвизовом режиме необходим патент, который «привязан» к субъекту Федерации и виду деятельности, что дисциплинирует пространственное распределение труда и уплату налогов; для визовых режимов — разрешение на работу, которое может выдаваться в рамках квоты, формируемой ежегодно, или вне квоты для отдельных категорий. Работодатель обязан проверять действительность документов, своевременно уведомлять о заключении и расторжении трудового

договора и обеспечивать соблюдение требований охраны труда и оплаты не ниже установленного минимального уровня; нарушение этих положений влечет санкции и может становиться основанием для запрета на привлечение иностранных работников в будущем [2]. В исследовательских работах подчеркивается, что дисциплина оформления документов напрямую связана с распространенностью посреднических практик и сжатостью сроков проектов в строительстве и логистике, где спрос на труд волнообразен, а маржа низкая [6].

Научное обсуждение терминов затрагивает и тонкие разграничения. Под «адаптацией» обычно понимают совокупность социально-экономических и культурных механизмов включения мигранта в принимающую среду, причем это не тождественно «интеграции», которая подразумевает устойчивое принятие норм и участие в институтах общества, тогда как трудовой патент в коротком цикле может не предполагать глубокой интеграции, а лишь функциональную включенность в производственный процесс [11]. Исследователи столичного региона фиксируют, что у маятниковых трудовых групп адаптация носит инструментальный характер: доступ к общественному транспорту, информация о найме и правилах учета, минимальные бытовые условия; культурные и гражданские компоненты в таких траекториях развиты слабо, что снижает риски конфликтов на ценностной почве, но усиливает зависимость занятости от колебаний спроса [9]. В свою очередь, сетевой подход к изучению потоков показывает, что маршруты миграции поддерживаются устойчивыми связями землячеств, посредников и работодателей, а изменения правил — квот, отчетности и проверочных процедур — быстро отражаются на конфигурации этих сетей, перераспределяя трафик между регионами и каналами въезда [12].

Статистическая терминология требует точности. «Миграционный прирост» — разница между числом прибывших и выбывших за период; «миграционный оборот» — сумма прибывших и выбывших. Данные прироста используются при оценке вклада миграции в изменение численности населения и в трудоспособном возрасте; при этом на уровне страны они дополняют естественное движение, а на уровне регионов существенно влияют на возрастную пирамиду и на прогноз потребности в инфраструктуре. В 2024 году, по официаль-

ным сообщениям МВД и средств массовой информации, число лиц, получивших гражданство РФ, снизилось до 209 тыс., что сопровождается усилением контрольных мер в сегменте фиктивной регистрации и трудоустройства; эти сдвиги в совокупности меняют состав и траектории легальной части потока, увеличивая долю временно пребывающих и временно проживающих в сравнении с получателями гражданства [20]. Для сопоставления с более длинными рядами важно учитывать различия методик Росстата и ведомственной статистики, а также вводимые корректировки по переписям населения, которые могут пересматривать оценки по отдельным периодам и территориям [18].

Наконец, в научном обороте сохранены классические термины «эмиграция» и «реэмиграция», описывающие соответственно выезд за пределы страны и возвращение граждан домой. Историческая литература дает множество примеров волн эмиграции и возвратов; они позволяют оценивать, как меняются мотивации и каналы выезда и как правовые режимы разных стран воздействуют на решения домохозяйств, формируя в перспективе устойчивые коридоры перемещений и профессиональные ниши в принимающих экономиках [14]. Для российской практики важен и вопрос институциональных настроек: без согласованности правовых дефиниций с административными процедурами учет будет неточен, а политика — неэффективна. Поэтому в последние годы обсуждается развитие регистрового подхода, в котором записи о событиях жизненного цикла и перемещениях синхронизируются между ведомствами, что повышает точность показателей и качество услуг для добросовестных участников перемещений [17]. Такая техника работы с данными не отменяет необходимости полевых исследований, но задает прочный каркас, в который «ложатся» наблюдаемые в экономике и обществе процессы — от мигрантовых поездок до долгосрочного переселения на постоянное место жительства [10].

Таким образом, понятийная система российской миграционной тематики включает взаимосвязанные правовые, статистические и социологические элементы. Правовые определения фиксируют статусы и процедуры, статистика обеспечивает количественную картину, а эмпирические исследования уточняют механизмы поведения участников потоков. В совокупности это позволяет и описы-

вать текущую миграционную ситуацию, и выстраивать практику регулирования: от миграционного учета и требований к принимающей стороне до статусов временного и постоянного проживания, от режимов привлечения труда до мер противодействия фиктивным схемам.

В российском дискурсе под миграционным кризисом разумно понимать не единичный всплеск въездов или выездов, а устойчивое рассогласование между масштабом и структурой миграционных потоков и возможностями институтов — рынка труда, систем учета и контроля, городской инфраструктуры, органов правопорядка. Для оценки реальных рисков нужно опереться на проверяемые цифры, проследить динамику за несколько лет и разделить нормативные опасения от статистически наблюдаемых изменений. Период 2022–2024 годов удобен для такой проверки: на него пришлись и коррекции методик учета, и ужесточение правоприменения, и заметные сдвиги в мотивациях и маршрутах перемещения.

Отправной точкой служит миграционное сальдо. В 2022 году, по данным профильного мониторинга с опорой на официальную регистрацию прибытия и выбытия, прирост населения России за счет международной миграции был минимальным за последние десятилетия — около семнадцати тысяч человек; это следствие одновременно и «узкой горловины» пропускных режимов, и задержек в регистрации выбытий, и адаптаций домохозяйств к новым ограничениям. В 2023 году ситуация изменилась: предварительная оценка показала заметное восстановление прироста, но в разрезе источников прироста доминировали связи со странами Центральной Азии при одновременном отрицательном сальдо с Украиной; кроме того, часть прироста в статистике приходилась на внутристранные перемещения при изменившихся границах учета, что требовало осторожной интерпретации. Наконец, в 2024 году зафиксирован резкий скачок: миграционный прирост составил порядка 568,5 тыс. человек, что почти в 2,8 раза выше уровня 2023 года; при этом речь уже не только о механическом эффекте учета, а о реальном наращивании внешнего миграционного обмена — 4,081 млн прибывших против 3,513 млн выбывших за год. Эти числа важны в двух аспектах. Во-первых, они показывают, что демографическую убыль 2024 года миграция ком-

пенсировала значительно сильнее, чем годом ранее, и тем самым снизила давление на возрастную пирамиду. Во-вторых, столь быстрый рост поставил перед управленцами задачу синхронизировать «воронку допуска» с возможностями размещения, контроля и вовлечения приезжающих в легальные сегменты рынка труда. Иначе выигрыш демографии быстро обернется нагрузкой на безопасность и социальные службы.

Суммируя, с 2023 по 2025 годы российская миграционная политика подошла к целостной архитектуре. Новый закон о гражданстве задал «финиш» легализации; обновлённые 115-ФЗ и 109-ФЗ — «середину» статусов и учёта; 260-ФЗ принёс «операционные зубцы» в виде режима высылки и реестра; 121-ФЗ открыл путь к цифровому учёту в мегаполисах; постановления о квотах, допустимых долях и экзамене «привязали» право к рынку труда и к образовательным требованиям. Вопрос на 2026 год — институционализировать

удачные элементы эксперимента, распространить их с учётом региональной специфики и закрепить баланс «сервис + контроль», при котором миграция остаётся управляемым ресурсом экономики и не становится фактором уязвимости безопасности.

Проведённый анализ показал, что Россия за три последних года перешла от «латания дыр» к связной архитектуре миграционного регулирования. Ключевая новация — введение режима высылки и реестра контролируемых лиц в тексте 115-ФЗ. Это создало недостававшее звено между административным контролем и уголовной ответственностью: государство получило инструмент быстрой фиксации нарушений статуса и юридически оформленного вывода из «серой зоны» без затяжных процедур. Практический смысл прост: чем меньше «подвешенных» дел и фиктивных оснований, тем ниже криминогенные риски и нагрузка на уязвимые сегменты городской инфраструктуры.

Литература

1. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 31.07.2025). Официальный интернет-портал правовой информации.
2. О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ (действующая ред.). Официальный интернет-портал правовой информации.
3. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы: Указ Президента РФ от 15.10.2025 № 738 (с изм.). Правительство РФ (публикация документа).
4. Бедрина Е. Б., Неклюдова Н. П., Козлова О. А. Мигранты из стран Центральной Азии на рынке труда Свердловской области в зеркале социологического исследования // Экономика региона. — 2024. — Т. 20, № 1. — С. 135–149.
5. Каракурина Л. Б. Иммиграция в Россию в период современных трансформаций // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2024. — № 2(63). — С. 212–222.
6. Карцева М. А. Международные мигранты на российском рынке труда: свои среди своих? // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2024. — № 2(63). — С. 75–97.
7. Корсаков К. В. Внешняя трудовая миграция в современной России: социально-правовой и криминологический контексты // Народонаселение. — 2023. — Т. 26, № 4. — С. 63–74.
8. Красинец Е. С., Шевцова Т. В. Трудовая иммиграция и рынок труда в современной России: проблемы взаимодействия // Народонаселение. — 2023. — Т. 26, № 4. — С. 52–62.
9. Махрова А. Г., Кириллов П. Л. Временные особенности маятниковых миграций в Московском регионе // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2024. — № 2(63). — С. 249–256.
10. Мкртчян Н. В. Внутренняя миграция в России в 2010-е гг. — макрорегиональные особенности // Демографическое обозрение. — 2023. — Т. 10, № 3. — С. 21–42.
11. Мукомель В. И. Трудовая миграция в России: адаптация к трансформациям рынка труда // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2024. — № 2(63). — С. 233–240.
12. Смирнов А. В. Сетевой подход к изучению миграционных потоков // Демографическое обозрение. — 2025. — Т. 12, № 2. — С. 35–68.

13. Соколова А. А., Калачикова О. Н. Маятниковая трудовая миграция в России: масштабы и последствия // Народонаселение. — 2023. — Т. 26, № 3. — С. 16–29.
14. Тольц В. Эмиграция из России в Израиль в конце 1980-х годов // Демографическое обозрение. — 2023. — Т. 10, № 4. — С. 52–68.
15. Флоринская Ю. Ф. Трудовая миграция в Россию (на примере московского региона): уехать нельзя остаться // Демографическое обозрение. — 2023. — Т. 10, № 4. — С. 69–85.
16. Флоринская Ю. Ф. Трудовая миграция в Россию: сокращение потоков на фоне мало меняющейся географии // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2024. — № 2(63). — С. 223–232.
17. Чудиновских О. С. К вопросу о создании регистра населения и использовании административных данных для нужд государственной статистики // Вопросы статистики. — 2021. — Т. 28, № 1. — С. 5–17.
18. Ванькина И. Н., Симагин Ю. А., Муртузалиева Д. Д. Территориальные различия между данными текущего учёта населения и результатами Переписи-2020 // Народонаселение. — 2023. — Т. 26, № 4. — С. 15–25.
19. МВД России (итоги 2024 года). Российское гражданство в 2024 году получили 209 000 иностранцев (-44,8% к 2023 г.), РВП оформлено 44,5 тыс., вид на жительство — 214,9 тыс. // публикация «Коммерсантъ», 27.03.2025.
20. МВД России (официальный комментарий). В 2024 году гражданство получили 209 000 человек — минимальный показатель за последние пять лет // «Интерфакс», 27.03.2025.

Проблемы исполнения судебных решений в отношении воинских учреждений и организаций

Лыков Игорь Сергеевич

ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского»

Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия

Кандидат политических наук, старший преподаватель

Полковник юстиции

E-mail: i@Lykoff.ru

Тарасов Максим Владимирович

ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского»

Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия

Курсант

E-mail: maksim37616@gmail.com

Аннотация: в работе проведен правовой анализ положений законодательства Российской Федерации в части, касающейся исполнения судебных актов, вынесенных в отношении воинских учреждений и организаций. Выявлены возникающие на практике проблемы исполнения таких решений, связанных с особенностью правового статуса военного прокурора как участника гражданского судопроизводства.

Ключевые слова: исполнительное производство, военный прокурор, судебные акты.

Сложности, возникающие в ходе исполнении судебных актов в военной сфере, мешают защите нарушенных или оспариваемых прав и свобод, законных интересов военнослужащих, их своевременному восстановлению, что, на наш взгляд, в некоторой степени дискредитирует прокуратуру и снижает уровень законности в Вооруженных Силах.

Ключевые проблемы исполнения судебных решений, вынесенных в отношении воинских организаций и учреждений, связаны с особым правовым статусом военных организаций и самих военнослужащих. Общегражданский механизм принудительного исполнения, урегулированный Федеральным законом № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [5] (далее — ФЗ «Об исполни-

тельном производстве»), не в полной мере учитывает специфику военной сферы. Это способствует тому, что на практике при реализации судебных актов в данной сфере возникает ряд проблем, которые в основном обусловлены особенностями финансирования военных организаций, наличием ведомственных иммунитетов и коллизиями юрисдикционного характера. Бюджетные ограничения часто приводят к отсутствию необходимых средств для исполнения судебных решений, а ведомственная подчиненность усложняет процедуры взыскания. Кроме того, вопросы подведомственности и подсудности споров с участием военных структур порождают дополнительные процессуальные сложности на стадии исполнения.

Ст. 10 Конституции РФ устанавливает, что государственная власть осуществляется на основе разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. С судов сняты непосредственные обязанности по обеспечению исполнения принятых ими судебных актов и других исполнительных документов. В то же время в части, в которой суды наделены полномочиями по разрешению вопросов в сфере исполнительного производства (разд. VII ГПК РФ), оно является стадией гражданского процесса и входит в сферу ведения органов судебной власти.

Поэтому следует исходить из того, что процессуальное законодательство, отнесенное к ведению Российской Федерации (п. «о» ст. 71 Конституции РФ), регулирует порядок осуществления гражданского судопроизводства. Понятие гражданского процесса шире, поскольку в процесс включается и стадия исполнительного производства, представляющая собой объект комплексного правового регулирования, что отражается в характеристики источников исполнительного законодательства.

Правила исполнительного производства в целом единообразны для всех процессов, они регулируются федеральными законами «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» [6] и «Об исполнительном производстве» и имеют одни и те же цели — исполнение исполнительных документов. Однаковы стадии исполнительного производства: возбуждение исполнительного производства, подготовка к осуществлению исполнительных действий, их осуществление, завершение исполнительного производства. Общими являются субъектный состав, круг исполнительных документов и правила исполнительного производства. Например, правила имущественных иммунитетов от взыскания в отношении граждан-должников, установленные в ст. 446 ГПК РФ, распространяются на всех граждан независимо от того, являются ли они должниками по решениям судов общей юрисдикции либо арбитражных судов [8].

Вмешательство прокурора в гражданско-процессуальные правоотношения обусловлены исключительно публичными (государственными) интересами. Военный прокурор инициирует возбуждение гражданского дела путем обращения с заявлением в суд от своего имени, но в целях защиты интересов определенных групп (конкретных военнослужащих и членов их семей, неопре-

деленного круга лиц или интересов Российской Федерации). Обращение в суд с заявлением или иском — основная форма участия военного прокурора в гражданском судопроизводстве.

В процессе подготовки заявления военному прокурору необходимо [9]:

1. Определить предмет и основание иска;
2. Установить, какие доказательства необходимы для обоснования заявленных требований, собрать эти доказательства и тщательно их проанализировать;
3. Решить, в интересах кого необходимо обращаться с заявлением или исками кто должен отвечать по ним.

Прокурор, подавший заявление, пользуется всеми процессуальными правами и несет все процессуальные обязанности истца, за исключением права на заключение мирового соглашения и обязанности по уплате судебных расходов.

Военный прокурор занимает особое место среди субъектов, инициирующих исполнительное производство в рамках гражданского судопроизводства. Его процессуальный статус определяется спецификой военной службы и особыми полномочиями в сфере надзора за законностью. В отличие от гражданских прокуроров, военный прокурор наделен правом возбуждать гражданские дела в защиту прав военнослужащих. Особенностью процессуального положения военного прокурора является его двойственная роль: с одной стороны, он выступает как представитель государства, осуществляющий надзор, с другой — как сторона в гражданском процессе. При возбуждении исполнительного производства военный прокурор действует в рамках полномочий, предусмотренных ст. 45 ГПК РФ. Он вправе предъявлять исполнительные документы к взысканию и контролировать процесс исполнения судебных актов. В соответствии со ст. 7 Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации», военные суды рассматривают гражданские дела, возникающие из правоотношений в Вооруженных Силах. Следовательно, военный прокурор участвует в исполнительном производстве в рамках военной юрисдикции, что определяет специфику его взаимодействия с судебными приставами-исполнителями. Воинские части и учреждения, как обяженные субъекты в исполнительном производстве

по данным делам, обладают особым правовым положением. Они выступают в качестве юридических лиц, но их правосубъектность ограничена в силу законодательства и особенностей бюджетного финансирования.

Взыскание денежных средств с воинских частей осуществляется в особом порядке, установленном бюджетным законодательством. Это связано с тем, что их имущество относится к федеральной собственности и имеет целевое назначение, что и определяет особенность исполнительного производства в отношении воинских учреждений. В соответствии с ч. 1 ст. 239 Бюджетного кодекса РФ (далее — БК РФ), обращение взыскания на средства бюджетов бюджетной системы России осуществляется только на основании судебного акта. Данная норма создает дополнительные процедурные сложности при исполнении. Правовой иммунитет воинских учреждений также влияет на исполнительное производство. В силу ст. 239 БК РФ, на имущество казны Российской Федерации, находящееся у воинских учреждений и организаций, не может быть обращено взыскание по исполнительным документам.

Компетенция военных судов включает рассмотрение жалоб на действия (бездействие) судебных приставов-исполнителей при исполнении судебных актов по делам военной подведомственности. Данный механизм позволяет обеспечить контроль за законностью исполнительных действий в отношении воинских учреждений и организаций.

Взаимодействие гражданской и военной юрисдикций при определении подведомственности исполнительных действий порождает ряд проблем. Основная сложность заключается в разграничении компетенции между военными и районными судами [7].

Федеральный закон «Об исполнительном производстве» содержит перечень имущества организаций, на которое не может быть обращено взыскание. В отношении воинских частей и учреждений данный перечень дополняется специальными нормами, защищающими имущество, необходимое для обеспечения обороноспособности страны. К такому имуществу относятся вооружение, боеприпасы, специальная техника и иные материальные ценности, имеющие стратегическое значение. Судебные приставы-исполнители нередко сталкиваются с трудностями при определении

правового статуса конкретного имущества. Воинские части зачастую предоставляют не полную информацию о принадлежности имущества к категории защищенного от взыскания. Это приводит к затягиванию исполнительного производства и необходимости дополнительных запросов в Министерство обороны. Указанные сложности усугубляются отсутствием единого реестра имущества военного назначения, что затрудняет оперативную проверку его статуса. Проблема осложняется тем, что некоторые виды имущества могут иметь двойное назначение. Например, транспортные средства или здания. Это требует значительных временных затрат и привлечения специалистов военного ведомства, что создает дополнительные организационные сложности в процессе исполнения судебных актов.

Особенности бюджетного финансирования воинских учреждений и организаций создают существенные препятствия для исполнения судебных актов о взыскании денежных средств. Согласно Бюджетного кодекса Российской Федерации (Далее — БК РФ), расходование бюджетных средств строго регламентировано целевыми статьями и кодами классификации. Средства, выделенные на обеспечение обороноспособности, не могут быть перенаправлены на погашение долгов по исполнительным производствам без внесения соответствующих изменений в бюджетную роспись. Процедура внесения изменений в бюджетную роспись является сложной и многоэтапной. Она требует согласования с вышестоящими органами военного управления и финансовыми структурами Министерства обороны. Дополнительную сложность представляет отсутствие у воинских частей собственных расчетных счетов в кредитных организациях. Все финансовые операции осуществляются через органы Федерального казначейства в рамках единого казначейского счета. Это ограничивает возможности судебных приставов по наложению ареста на денежные средства и их списанию. В результате исполнительное производство часто заканчивается возвратом исполнительного документа взыскателю в связи с невозможностью исполнения.

Ведомственные инструкции и приказы зачастую устанавливают дополнительные процедурные требования, не предусмотренные Федеральным законом «Об исполнительном производстве».

Например, могут вводиться особые правила согласования исполнительных действий с командованием воинской части или вышестоящими органами военного управления. Подобные ведомственные нормы создают правовую неопределенность для судебных приставов-исполнителей. Они вынуждены откладывать исполнительные действия до получения всех согласований. Это подрывает авторитет судебной власти и нарушает права граждан и организаций, в пользу которых вынесены судебные решения.

Правовые иммунитеты воинских частей создают существенные препятствия для принудительного исполнения судебных актов. Согласно ст. 94 Федерального закона «Об исполнительном производстве», обращение взыскания на имущество, находящееся в оперативном управлении государственных учреждений, допускается только по обяжательствам, связанным с причинением вреда.

Организационные сложности межведомственного взаимодействия существенно затрудняют исполнение судебных актов в отношении военных учреждений. Отсутствие эффективного механизма координации между Федеральной службой судебных приставов и Министерством обороны приводит к несогласованности действий. Судебные приставы часто не обладают оперативным доступом к информации о дислокации воинских частей, их имуществе и финансовых потоках, что препятствует своевременному и полному исполнению решений суда. Для решения данной проблемы необходима разработка специальных межведомственных регламентов взаимодействия. Подобные регламенты должны предусматривать порядок обмена информацией, сроки предоставления запрашиваемых сведений, а также механизмы принудительного исполнения с участием представителей военного ведомства и военной прокуратуры. Создание единой информационной системы, интегрирующей данные Федеральной службы судебных приставов и Министерства обороны, позволило бы ускорить процедуры исполнительного производства и повысить их эффективность.

Кроме того, анализ нормативно-правовой базы выявил недостаточную проработанность вопросов, связанных со спецификой субъектов исполнительного производства в военной сфере. Данные обстоятельства существенно затрудняют реализацию судебных актов и требуют комплексного решения.

Особую остроту проблеме придает характер дел, инициируемых военной прокуратурой, которые часто затрагивают значимые государственные интересы и права военнослужащих. Несвоевременное или неполное исполнение таких решений подрывает авторитет органов военной прокуратуры.

Особый статус военного прокурора усиливает значение его деятельности для обеспечения исполнения гражданских исков в военной сфере, но одновременно создает сложности при переходе к стадии исполнительного производства. Основные трудности заключаются во взаимодействии органов военной прокуратуры с воинскими частями и учреждениями-должниками по исполнительным документам. Административная подчиненность и закрытость военных структур усложняют контроль за исполнением решений и применение мер принудительного воздействия. Таким образом, сам статус военного прокурора как субъекта, инициирующего процесс, косвенно порождает дополнительные препятствия на завершающей стадии дела.

Главным препятствием является специфика бюджетного финансирования военных организаций, которое часто не предусматривает оперативного выделения средств для удовлетворения судебных решений. Жесткая регламентация расходов и ограниченность источников финансирования создают ситуацию, когда даже признанные судом требования не могут быть своевременно исполнены. Дополнительные сложности обусловлены административной подчиненностью воинских частей и наличием у них определенных иммунитетов. Ограниченнность мер принудительного воздействия, применимых к казенным учреждениям, существенно сужает возможности судебных приставов-исполнителей. Ведомственная замкнутость и особенности юрисдикции затрудняют доступ к активам военных организаций, что делает исполнение судебных решений формальным в ряде случаев.

На основе выявленных проблем считаем возможным совершенствование нормативной базы, регулирующей исполнение судебных актов по делам с участием воинских учреждений и организаций. Они включают совершенствование законодательства в части определения порядка взыскания с воинских учреждений и организаций, изменения механизмов выделения бюджетных средств для этих

целей: считаем необходимым модернизировать финансовые механизмы через создание целевых резервов в бюджетах военных ведомств для удовлетворения судебных решений. Также полагаем важным усилить контрольные полномочия военной прокуратуры на стадии исполнительного производства, предоставив ей право непосредственного взаимо-

действия с финансовыми органами, в полномочия которых предлагаю ввести списание денежных средств по обязательствам с целевых резервов. Эти меры направлены на обеспечение своевременного и полного исполнения судебных решений, повышение эффективности защиты государственных интересов и прав военнослужащих.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Доступ из СПС «Гарант»;
2. Федеральный конституционный закон от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ (ред. от 28 декабря 2024 г.) «О военных судах Российской Федерации» // Доступ из СПС «Гарант»;
3. Бюджетного кодекса Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) // Доступ из СПС «Гарант»;
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) // Доступ из СПС «Гарант»;
5. Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ (ред. от 13 декабря 2024 г.) «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» // Доступ из СПС «Гарант»;
6. Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) «Об исполнительном производстве» // Доступ из СПС «Гарант»;
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2014 г. № 8 (ред. от 28 октября 2025 г.) «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих» // Доступ из СПС «Гарант»;
8. Бархо В.Ю. «О проблемах исполнения судебных актов»// E-Scio. 2023. №1 (76). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-problemah-ispolneniya-sudebnyh-aktov>;
9. Участие прокурора в гражданском процессе: социальное предназначение и полномочия: науч.-методич. пособие / Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. — М., 2012. — 95 с.

О необходимости введения института конкубината в Российскую правовую систему

Черни Данил Владимирович

Магистр 1 курса

Юридический факультет

Южно-Российский институт управления — филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70
email: work.life.03@bk.ru

Аннотация: в данной статье рассматривается правовое содержание и особенности института конкубината в Российской Федерации, исследуется зарубежный опыт и международная практика признания фактических брачных отношений, в частности, законодательство Украины, действующее на территории новых регионов Российской Федерации, присоединенных в 2022 году. Автором рассматривается научное и законодательное обоснование введения института фактических брачных отношений в российскую правовую систему, его взаимосвязь со смежными отраслями права, анализируется судебная практика.

Ключевые слова: конкубинат, фактические брачные отношения, семейное законодательство, наследственное право, специальная военная операция, новые регионы, семейное право.

Исторически в России единственной формой брака, создающей правовые последствия, считался зарегистрированный брак. В Российской империи для возникновения имущественных, наследственных и семейных прав требовалась государственная регистрация брака в органах ЗАГС. Любые незарегистрированные союзы юридической силы не имели и рассматривались исключительно как личные договорённости между партнёрами, не порождающие прав и обязанностей.

В советский период государственная регистрация брака оставалась обязательным условием возникновения прав и обязанностей супружеского союза. Все имущественные права, обязанности по содержанию, алиментные обязательства и наслед-

ственные права закреплялись исключительно за лицами, состоящими в зарегистрированном браке. Это было отражено в действовавших на тот момент Гражданском и Семейном кодексах СССР, где незарегистрированные союзы не признавались юридически.

Современный Семейный кодекс Российской Федерации закрепляет этот подход в статьях 1 и 10–12. [1] В частности, права и обязанности супругов возникают исключительно с момента государственной регистрации брака. Фактическое совместное проживание без регистрации юридической силы не имеет. В условиях изменения социальной структуры и увеличения числа незарегистрированных союзов данное положение создает

правовую неопределенность и социальные конфликты.

В отечественной юридической науке вопрос о правовом статусе фактических брачных отношений (конкубината) традиционно является предметом дискуссий. Ряд авторитетных учёных-правоведов высказывались о необходимости законодательного урегулирования данного института. Так, М.В. Антокольская указывает, что фактические брачные отношения являются социальной реальностью, игнорирование которой со стороны законодателя приводит к ущемлению имущественных и наследственных прав партнёров, а также к дискриминации детей, рождённых в не зарегистрированных союзах. Е.А. Суханов рассматривает институт фактического брака в контексте развития гражданского права. Он подчёркивает, что совместно нажитое имущество должно признаваться общей собственностью, если доказано ведение общего хозяйства и наличие длительного совместного проживания. А.М. Нечаева отмечает, что международный опыт демонстрирует эффективность правового признания фактических союзов. По её мнению, для современной России законодательное закрепление конкубината будет способствовать укреплению социальной справедливости и снижению уровня конфликтов в обществе. С.Н. Братусь, анализируя развитие семейного права, подчёркивал, что оно должно эволюционировать вслед за изменениями в социальной структуре общества. Игнорирование института фактических брачных отношений закрепляет излишний формализм и противоречит принципу равенства граждан. О.С. Иоффе, один из ведущих цивилистов XX века, подчёркивал, что социальные связи, обладающие устойчивостью и признаваемые обществом как семейные, должны получать правовое закрепление. Его подход можно рассматривать как предвосхищение современных дискуссий о конкубинате.

Е.А. Чефранова в своих работах отмечает, что фактические брачные отношения нуждаются в частичной правовой защите, особенно в сфере имущественных последствий. Она предлагала закрепить в законе возможность признания совместно нажитого имущества общей собственностью при доказанности совместного хозяйства.

В Российской Федерации фактические брачные отношения не имеют правового значения.

Судебная практика выявляет ряд противоречий и проблем. Верховный Суд РФ в Определении № 18-КГ24-353-К4 от 04.02.2025 подчеркнул, фактическое совместное проживание не является гражданским браком и не порождает правовых последствий, которые влечет факт заключения брака в органах записи актов гражданского состояния. [2] Суд указал, что режим совместной собственности супругов на имущественные отношения между лицами, не состоящими в браке, распространен быть не может. В Обзоре судебной практики по делам о признании брака недействительным (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.12.2022) отмечено, что фиктивность брака, заключенного без намерения создать семью, может быть установлена судом на основании совместного проживания, ведения общего хозяйства и поддержания семейных отношений. Однако само по себе совместное проживание без регистрации брака не влечет правовых последствий, таких как признание имущества совместной собственностью. [3]

В то же время в вопросах иждивения (ст. 1148 ГК РФ) фактические супруги признавались наследниками.[4] В Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26.11.2019 № 4-КГ19-61 рассматривался спор о праве на наследство между детьми и фактической супругой умершего.[5] Верховный Суд указал, что при отсутствии завещания и при длительном совместном проживании без регистрации брака, фактическая супруга может быть признана иждивенцем, если будет доказано, что она находилась на полном или частичном содержании умершего в течение не менее года до его смерти. Такая двойственность приводит к правовой неопределенности и конфликтам, особенно в случаях наследования или раздела имущества после смерти одного из партнёров.

На территории новых субъектов Российской Федерации (в частности, Херсонская и Запорожская области) до 2022 года действовала система правового признания фактических брачных отношений. Статья 74 СК Украины закрепляла, что имущество, приобретённое совместно проживающими партнёрами, считается их совместной собственностью. [6] Право на алименты и наследство также признавалось. После интеграции в состав РФ данные права утратились, что создало юридические коллизии: женщина, прожившая с мужчи-

ной 15 лет, приобретавшая имущество совместно, по украинскому законодательству считалась законным владельцем половины имущества, однако по российскому законодательству аналогичное имущество принадлежит только зарегистрированному собственнику. При гибели мужчины при участии в боевых действиях фактическая супруга теряет право на наследство и социальные гарантии.

Таким образом, для новых субъектов РФ введение института конкубината является актуальной мерой, позволяющей восстановить права граждан, защитить интересы детей и обеспечить гармонизацию законодательства с учетом международного опыта.

Международная практика показывает разнообразие подходов к правовому признанию фактических брачных отношений. В большинстве развитых стран законодательство признает незарегистрированные союзы, обеспечивая партнерам имущественные, алиментные и наследственные права. Рассмотрим регулирование исследуемого института в странах романо-германской правовой семьи.

Во Франции с 1999 года действует PACS (Pactecividesolidarité) — гражданский союз, который обеспечивает юридическое признание совместного имущества, прав наследования и обязанности по отношению друг к другу. PACS позволяет партнерам самостоятельно регулировать имущественные отношения и алиментные обязательства, не регистрируя официальный брак. Данный институт способствует снижению социальной напряженности, упрощает процедуру раздела имущества при расставании и защищает права детей.

В Германии признается незарегистрированные союзы на федеральном уровне. Партнеры имеют права на совместно нажитое имущество, социальное обеспечение и наследство, если совместное проживание длится определённый срок и соблюдаены другие юридические условия.

В России существовали попытки законодательного закрепления прав фактических браков. Среди них:

- Законопроект № 368962-7 (2018 г.), предложенный А.В. Беляковым, предусматривал определённые имущественные права для партнёров в незарегистрированных союзах. [7]
- Законопроект № 539969-8 (2024 г.), внесённый П.В. Крашенинниковым, А.А. Турчаком, А.А.

Клишасом, предусматривал расширение прав фактических супружеских, однако так и не был принят. [8] Он предусматривал такие условия признания фактического брака: совместное проживание не менее трёх лет или один год при наличии общего ребёнка и ведении общего хозяйства. Установление факта брака предполагалось в судебном порядке. Законопроект не предусматривает передачу наследственных прав гражданским супругам погибших участников СВО, что было снято во избежание злоупотреблений и для защиты традиционных семейных ценностей. Предлагалось придать обратную силу положениям закона, то есть они будут применяться к установлению факта брачных отношений, возникших до дня вступления в силу данного закона.

- Законопроект № 865774-8 (2024 г.) был принят в окончательном чтении 22.07.2025 года, подписан Президентом РФ 31.07.2025 года, получив статус Федерального закона №317-ФЗ, но изменений в Семейный кодекс РФ не внес. [9-10] Упомянутый закон предоставляет гражданским супругам (сожительницам) погибших участников специальной военной операции (СВО) право на социальную поддержку при соблюдении следующих условий: совместное проживание и ведение общего хозяйства не менее 3 лет на момент заключения контракта или призыва на военную службу, наличие общего несовершеннолетнего ребёнка. Однако закон не предоставляет гражданским супругам право на наследство погибших участников СВО. Для признания гражданской супруги погибшего участника СВО иждивенцем и получения соответствующих выплат, необходимо обратиться в суд с заявлением об установлении факта совместного проживания и ведения общего хозяйства.

Научные исследования подчеркивают, что отсутствие института конкубината приводит к юридическим пробелам, ущемлению имущественных и наследственных прав граждан, особенно на новых территориях РФ. Доктринальные подходы указывают на необходимость интеграции института фактических браков для устранения пробелов в действующем законодательстве, обеспечения равенства граждан в имущественных и наследствен-

ных вопросах, гармонизации российского законодательства.

Отсутствие правового признания фактических браков на новых территориях РФ приводит к значительным последствиям: нарушение имуществен-

ных прав граждан, проживающих в фактических союзах, потеря права на наследство, социальная нестабильность и рост конфликтов. В частности, это особенно актуально для новых субъектов Российской Федерации.

Литература

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 №223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996 — №1 — ст. 16.
2. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации от 04.02.2025 № 18-КГ24-353-К4 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=847844#3lnR7wUuifnYxmd91>
3. Обзор судебной практики по делам о признании брака недействительным (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.12.2022) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=434362&cacheid=968240F61C5E04D853934B7044236ABA&mode=splus&rnd=lXnR7wUeeYAfw4qx#BTHT7wUsJFhSg0ZM1>
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 49. — ст. 4552.
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26.11.2019 № 4-КГ19-61 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=610080#GOAU7wUTG4FSPIO4>
6. Семейный кодекс Украины от 10.01.2002 № 2947-III (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.11.2024) // [Электронный ресурс] Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418309
7. Законопроект № 368962-7 // Система обеспечения законодательной деятельности. — URL: <https://duma.consultant.ru/documents/3727468>
8. Законопроект № 539969-8 // Система обеспечения законодательной деятельности. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/539969-8>
9. Законопроект № 865774-8 Система обеспечения законодательной деятельности. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/865774-8>
10. Федеральный закон от 31.07.2025 №317-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_511123/

Научные высказывания

Сетевой научный журнал открытого доступа
2025 • № 18(86)

Издается с сентября 2021 г.

Выходит два раза в месяц.

ISSN: 2782–3121

Выпускающий редактор А.Ю. Крупский

Ответственные редакторы: Е.В. Семин, Л.Л. Обручникова

Подготовка оригинал-макета и обложки: А. Кривошеина, А. Москаленко

Журнал «Научные высказывания» является журналом открытого доступа, предполагающего предоставление автором результатов научных исследований в виде полнотекстовой научной статьи для публикации в целях неограниченного и безвозмездного ознакомления с ней в сети Интернет неограниченного круга лиц, которые, используя ссылку на труд ученого, продолжают научные исследования для глобального обмена знаниями.

Свидетельство о регистрации СМИ: серия Эл № ФС77–79727 от 07 декабря 2020 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА

Издательство: Индивидуальный предприниматель Румянцев Антон Алексеевич

ОГРН: 320774600381920; *ИНН:* 772374161057

Учредитель: Румянцев Антон Алексеевич

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: Румянцева Екатерина Александровна

Адрес редакции: 111675, г. Москва, ул. Дмитриевского, дом 7, помещение 7

Сайт: <https://nvjournal.ru/>

Адрес электронной почты: info@nvjournal.ru

Телефон: +7 (495) 128–72–82

